

Сергей Шикера

Египетское метро

роман

Сергей Шикера
Египетское метро. Роман

«Издательские решения»

Шикера С.

Египетское метро. Роман / С. Шикера — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937279-6

В прошлом одессит, а теперь москвич Михаил Тягин приезжает в Одессу продать квартиру умершего отца. Засиживаться в городе, с которым его уже давно ничего не связывает, Тягин не собирается и потому готов уступить квартиру, не торгуясь. Однако дело странным образом затягивается, и он застревает в Одессе на долгих два месяца, да еще попадает в такой переплет, что едва уносит ноги. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-937279-6

© Шикера С.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	11
III	15
IV	21
V	26
VI	31
VII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Египетское метро

Роман

Сергей Шикера

© Сергей Шикера, 2018

ISBN 978-5-4493-7279-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Еще час назад это был поезд как поезд. Прибывающий в Одессу по расписанию ежедневный московский скорый. Готовились, не спеша, к выходу пассажиры, проводники разносили билеты, голосило поездное радио. А теперь в одном конце вагона, в купе, лежал труп, а в другом, в тамбуре, валялся связанный по рукам и ногам убийца. Минут сорок назад раздался короткий резкий крик и по коридору пронеслась проводница. За ней промелькнуло красное платье пассажирки из крайнего купе. Тягин слышал, как быстро набирает силу скандал, но поднялся только на истошное: «Мужчины, помогите!» Когда он подошёл, там, у открытого купе проводников, мешая друг другу, шумно возилось несколько человек, между ними металось красное платье. Под подошвой одного из участников свалки хрустнул катавшийся по полу стакан. Пройти дальше Тягину мешала проводница. Да он уже и был лишним. Молодого человека в изорванном красном платье, едва прикрывавшем крепкий торс, поставили на ноги. Тягин встретился с его замаянным взглядом. Парня развернули и потащили в тамбур. Запрокинув лицо, он фальшивым женским голосом закричал: «Меня зовут Александра!» Все пассажиры вышли из своих купе, и в узком коридоре было не протолкнуться. «Задушил, – услышал Тягин; и еще раз, – задушил». Впрочем, всё произошло так быстро, что никто, похоже, и заснять не успел; во всяком случае, ни одной поднятой руки с телефоном, направленным в сторону свалки, Тягин не заметил. Растрёпанная проводница принялась на весь вагон отчитываться об увиденном в последнем купе, надеясь, кажется, что громкая уверенная её речь сделает случившееся понятней:

– Только вошла, смотрю: труп. Сразу видно было: серый уже. Подумала, это он. Потому что она в красном платье спит на своей нижней. Ну, а как еще? Их же там только двое ехало. Парень и она. В красном платье. Что я должна была подумать? Оба еще с короткой стрижкой. Какой цвет волос?! Я там чуть с ума не сошла, а вы мне про цвет волос! Вот я её бужу, а это он в её платье. А она лежит в его одежде!..

Напарник проводницы вернулся из тамбура с человеком в застегнутом кителе и фуражке и, зло толкаясь, провёл его к роковому купе. Заперев купе на ключ, человек в фуражке попросил пассажиров разойтись и после остановки поезда оставаться на своих местах. Тягин вернулся к себе, сел у окна.

За мостом над Водопроводной открылась широкая дельта привокзалья со множеством переплетённых путей, и, переходя с одной колеи на другую, притихший поезд как будто нехотя приближался к зданию вокзала. Размеренный, бьющий в ноги стук колес. Внятный скрип купейных перегородок в паузах. И в довершение несколько капель дождя, растекшихся по стеклу. Тягин качнул головой. Надо же. Дежавю.

Он еле дождался конца неторопливой, муторной процедуры расспросов и быстрым шагом вышел на людную платформу, в теплый сырой день. Дождь так и не начался, дул легкий свежий ветер – самое то после двадцати пяти часов, проведенных в пересушенном воздухе вагона среди запертых запахов. Из вещей у него были только нетяжелый рюкзак и небольшая брезентовая сумка в форме армейского планшета, и к дому в начале Канатной он решил идти пешком. Однако, оказавшись на привокзальной площади, вдруг передумал. В пустовавшую два года квартиру совсем не тянуло. У него было поручение из Москвы – передать деньги и несколько книг, и он поехал в Шампанский переулок. Тихая пожилая пара бывших университетских преподавателей угостила его чаем. Говорили они больше о Тягине и о Москве. Последних тутошних событий коснулись только вскользь и в самых общих чертах. Вот так и следует вести теперь здесь разговоры с незнакомыми людьми, отметил себе Тягин, таковы теперь здесь правила приличия.

Обратный путь он проделал вдоль моря. В переливах от свинцового до изумрудного, в холодных солнечных бликах, с гребнями пены вдоль волнорезов и у берега, оно ходило и волновалось так, будто его раскачали изнутри. На крепких, широко расходящихся лучах стояли до самого горизонта тяжелые низкие тучи. Тягин спустился, вышел на плотный и гладкий, штормами отутюженный песок, по которому, задыхаясь от счастья, носился черный щенок, и пошел вдоль кромки, мимо мокрых пирсов с рядами скучающих чаек. Надышавшись морским воздухом и перекусив в безлюдном кафе, он поднялся в город и вышел по Базарной на Канатную к началу сумерек. Опять заморосил дождь.

За то время, что он здесь не был, город обветшал ещё больше, и оттого ещё нахальней бросались в глаза рекламные щиты и яркие заплатки новостроев. В таких декорациях и при такой погоде и идущие по своим делам прохожие казались озабоченными и потерянными. Он подходил к улице Греческой, когда оттуда вывернула колонна – больше сотни человек с факелами, в камуфляже и масках. Они нестройно тянули какую-то, саму по себе вероятно бодрую, песню, и в конце куплета разрозненно выкрикивали «Гей! Гей! Гей!». Тягин никогда не видел факельных шествий и, как и некоторые прохожие, остановился посмотреть. Когда толпа с ним поравнялась, песня закончилась, и сразу стал слышнее мрачный монотонный шум шаркающих об асфальт десятков пар тяжелой обуви. За марширующими шли люди в цивильном, было несколько детей; замыкала шествие крупная дворняга. Всё это на расстоянии, мигая и крикая, сопровождала патрульная машина.

Перед самым домом Тягин зашёл в магазин и купил хлеба, сыра, банку маслин, бутылку красного вина и кое-что на завтрак. К дому подошёл в восьмом часу. Когда он последний раз уезжал отсюда, весь двор сплошь был засыпан золотой листвой. Теперь всё выглядело куда скромнее: серенько и мокро.

Поднялся на третий этаж. Квартира встретила неожиданным приятным теплом, но, включив свет в гостиной, он огляделся и приуныл. Всего лишь пустая тарелка на столе, далеко выдвинутый стул и обрывок газеты на полу, а впечатление, будто квартиру покидали в спешке. Оставленная на два года без хозяев, она теперь словно глядела на него с укором. Всего же больше расстроили окна без занавесок и штор. В последний свой приезд он зачем-то отдал их соседке.

Когда Тягин вышел из ванной после душа, голые черные окна поразили его еще неприятней. Он походил по квартире и сел на выдвинутый стул. Прогулка по городу не помогла: половина его как будто так и осталась в Москве, а другая продолжала трястись в вагоне, в конце которого то и дело вспыхивало алое платье. Зачем это всё было, думал он, глядя в окно. Да еще именно в его вагоне. Для чего? Пополнение жизненного опыта? Чтобы теперь время от времени при случае рассказывать: «а вот помню, ехал я однажды из Москвы в Одессу...»? С нарастающей тоской он стал думать о том, какие страшные часы переживают сейчас близкие и убитой девушки, и сошедшего с ума парня, и этот накат хандры был не менее странен, чем первоначальное равнодушие. Нет, сидеть в укоризненной тишине почти чужой квартиры не хотелось. К тому же за сутки он вдосталь выспался, а значит предстояло маяться до глубокой ночи. И, прихватив вино, он отправился на Пушкинскую, к Тверязову.

Об убийстве в поезде, о котором Тягин с порога начал рассказывать, Тверязов уже знал.

– По нынешним временам это всего лишь один неприметный мазок в общей картине нашей жизни... – с едва различимой усмешкой и словно кого-то цитируя, произнес он.

Из коммунального коридора они вошли в полутемную комнату и сели за длинный стол у окна.

– Надолго? – спросил Тверязов.

– Не знаю. Продам квартиру и назад.

– Как вообще?

– Нормально. Тебе привет.

– Спасибо.

Помолчали.

– А у нас тут человек-свинья объявился, – сообщил хозяин.

Тягин не сразу и вспомнил этого легендарного персонажа городского фольклора более чем двадцатилетней давности.

– Опять?

– Герои городских мифов не умирают. Хотя, возможно, это уже какой-то другой. Может быть, преемник. Или даже сын. Человек-свинья юниор. Будущее предсказывает.

Заговорили о событиях последнего года, об общих знакомых. Говорил больше Тверязов. Тягин слушал без интереса. От здешних новостей он устал еще в Москве. К тому же он уже давно решил, что всё происходящее здесь не его дело.

В большой, с лепниной и высокими окнами, но донельзя захламленной комнате не было верхнего света, по углам ютились мелкие тусклые светильники, и обступавший полумрак, мороча Тягина, как будто не позволял ему без оговорок признать в собеседнике прежнего Тверязова. Как если бы в наружности того, кроме естественных изменений (он заметно похудел), произошли и некоторые невозможные. Прежде всего с глазами – они, казалось, стали ближе друг к другу, глубже и меньше, и оттого обычно рассеяннo-усмешливый взгляд Тверязова превратился в неподвижный и настороженный. Как из подвала, снизу вверх. Тягин встречал такое выражение у завязавших наркоманов. Продолжая рассказывать об общих знакомых, Тверязов время от времени выходил за чем-нибудь в смежную с комнатой ярко освещенную кухню, и Тягину показалось, что происходит это всякий раз, когда он, Тягин, невольно начинает к нему приглядываться. По дошедшим до Тягина слухам Тверязов за те два с лишним года, что они не виделись, успел жениться и разойтись.

Усевшись, наконец, за стол, Тверязов подытожил:

– В общем, кто во что горазд.

– Ну а ты-то как тут? – спросил Тягин.

Тверязов пожал плечами.

– Живу себе. Повесть о голом и небогатом человеке. Продолжение.

– Погоди. А чем кончилось у вас с Абакумовым?

Это была скверная история. Тверязов выручил из беды их общего старого знакомого – одолжил крупную сумму, все свои сбережения. Когда подошёл срок возвращать долг, тот на пустом месте устроил громкую демонстративную ссору, объявил Тверязова негодяем, изобразил себя смертельно обиженным и под этим предлогом отказался платить. А потом и вовсе исчез. Тягин столкнулся с ним как-то раз в Москве.

– Да ничем, – нехотя ответил Тверязов. – Хотя он теперь опять здесь ошивается.

– А ты что?

– А! – махнул ладонью Тверязов. – Там, кажется, уже и срок расписки истёк... или вот-вот.

– Щедрый ты, такими деньгами разбрасываться. Он, кстати, где живёт, там же?

– Вроде бы да. У него там еще сосед Бурый. Помнишь такого?

– Художник?

– Да. Говорят, в Киеве на Козьем Болоте Леконт де Лилля читал восставшим.

– Красиво.

Когда они распили бутылку вина, Тверязов побежал в магазин. Пока его не было, в дверь постучали, и женский голос позвал: «Саша?» Вернулся Тверязов довольно скоро; тяжело дыша, повалился в кресло. Тягин сидел, заложив руки за затылок и вытянув ноги.

– Что-то не идёт из головы тот парень в красном платье, – сказал он. – В ту минуту вдруг показалось, что сейчас то ли я его узнаю, то ли он меня. Именно так – не друг друга, а кто-то один. Странное ощущение. Какое-то муторное.

– Добро пожаловать в Одессу!

Скосив глаза, Тягин неодобрительно посмотрел на бутылку водки в руке у Тверязова. Тот быстро открутил крышку, разлил и, еще не отдышавшись, как бы торопясь, заговорил:

– Вот ты спрашиваешь: как тут. Я бы сказал: всё как-то очень неожиданно. Ужасно неожиданно.

– Что, например?

– Я же говорю: всё. Вообще всё. Касается жизни в целом. Пусть всё происходит последовательно, по какой-то своей естественной логике, одно вытекает из другого и так далее... а в итоге всё равно неожиданно. Такая вот ерунда. Давай. – Они выпили и Тверязов продолжил: – Ну, вроде как садишься выпивать в хорошем настроении с приятными людьми, всё так тепло, мило, душевно, и вдруг, в какой-то момент – бах! – обнаруживаешь, что всё вокруг чужое, злое и жуть какое опасное. И как выбираться хрен его знает.

– Хвёдора видишь?

– Заходит иногда. Больше по телефону. Или вот еще как-то нафантазировалось, тоже, кстати, железнодорожное: какой-нибудь заснеженный полустанок в открытой степи, морозная ночь. Стоянка пара минут. С несколькими пассажирами выходишь покурить. Налегке, без шапки. Вокруг тишина, темень, в станционном здании ни огонька. Докурил, оборачиваешься, а на платформе никого нет, все разошлись по вагонам и двери закрыты. Стучишь – не открывают. А в окнах свет горит, люди ходят. Поезд трогается. И ту-туу! – поехал себе. Вот такое, да. – Тверязов вздохнул. – У меня таких мыслей, как у дурака махорки. Пора в монастырь уходить.

Тягин выпил рюмку и, в отличие от хозяина, больше не стал. Когда он поднялся из-за стола, чтобы уходить, Тверязов ринулся к двери, включил верхний свет и спросил его в спину:

– Роман не хочешь почитать?

– Роман? Чей?

– Мой.

Тягин коротко, закатив глаза, поморщился. Обернувшись, сказал:

– Конечно. Давай.

Тверязов тут же подошел и протянул Тягину рукопись. Тот посмотрел на пустую, в размашистых росчерках страницу и спросил:

– Как называется?

– Еще не придумал. Пусть пока будет «Хроники».

– Хроники?

– Хроники. В разных смыслах. – Помолчав, Тверязов добавил: – Там самое начало нулевых. Неплохое было время... Как оказалось. Правда, он не окончен.

– Так может, тогда лучше...

– Дают – бери. Может, я его и не закончу никогда. Или сожгу.

– Ладно. И это... ты пока не говори никому, что я приехал. Вообще никому. И Хвёдору тоже.

– Как скажешь. А ты по ночам меньше шастай.

В дверях, когда Тягин уже шагнул за порог, пьяный, горько-весёлый Тверязов его задержал:

– А с ночным поездом еще такой может быть финал. Бежишь следом, колотишь кулаком и, наконец, в последнем вагоне открывается дверь – вваливаешься, падаешь на пол и готов от счастья целовать ноги отворившему. Аж губы стереть об его холодные ботинки. Слушай! у меня тут грандиозная идея возникла, подарю, если хочешь, можешь в Москве продать. К юбилею Достоевского. Скоро двести лет. Надо соорудить на орбите гигантскую штуковину, отражающую свет, какую-нибудь там конструкцию или платформу. Чтобы с Земли по ночам это выглядело как лезвие топора. Спутник такой. Астрономы вычислят восхождение и захождение.

Можно назвать РРР. Спутник р-ррр, – прорычал, качнувшись вперед, Тверязов. – Ничего, да? Ночной привет от классика. А заодно и ответ на вечный русский вопрос: может ли в космосе случиться топор?

Когда Тягин подходил к дому, где-то в районе Соборной площади прогремел взрыв.

II

Утром Тягин первым делом позвонил в агентство, которое ему посоветовал недавно перебравшийся в Москву знакомый, и уже в середине дня прискакал Филипп – весёлый молодой человек, одетый во всё узкое, кургузое, с завязанным удавкой шарфом. Лёгкая картавость как будто ускоряла его и без того быструю речь. Приговаривая «окей-окей-окей», он вприпрыжку побегал по комнатам, и за какие-то пятнадцать минут они договорились о цене с учётом срочности продажи. Тягин дал ему вторые ключи на случай, если его дома не окажется. Первого клиента Филипп привёл в тот же день. На другой еще двух. У Тягина даже появилась надежда, что всё может произойти так скоро, как он и не мечтал.

Квартира Тягину досталась в наследство от отца, военного врача, умершего три года назад. Последний раз Тягин виделся с ним за полтора года до этого на похоронах матери. К тому времени он уже жил в Москве. Ему было девять или десять лет, когда отец от них ушел в эту квартиру к молодой красивой женщине. Тайком от матери Тягин ходил сюда какое-то время, потом, подростком, перестал. И уже много-много позже только слышал, что с новой женой отца случилась в Крыму беда, она потеряла в аварии ребенка, которым была беременна, покалечилась сама и потом довольно быстро угасла. Несчастье отца, ликующее злорадство – такое неожиданное, ужасное – всегда мягкой, доброй матери, когда она о несчастье узнала... – ничего этого не хотелось вспоминать, но разве здесь, в двух небольших комнатах с коридором и кухней это было возможно? Мало того, что квартира всегда казалась ему неприветливой и крайне неуютной, так сейчас она еще была вдобавок как-то странно, местами, опустошена. Не было штор, но в ванной висел его халат; книжные шкафы стояли неприятно пустыми (все книги подчистую вымел и увёз к себе в село Тверязов), но платяной был до сих пор забит отцовскими вещами...

На второй день Тягин навестил старого товарища отца, фельдшера, сослуживца по госпиталю. Он ходил за больным отцом последние дни и потом хоронил его, когда Тягин, поменяв адрес, ненадолго потерялся в Москве. Нашел его Тягин с трудом. Из своей двухкомнатной фельдшер переехал в однокомнатную неподалеку, и новые жильцы показали куда. Открывшая дверь женщина, которую Тягин принял за дочь фельдшера (он не видел ее много лет), только успела впустить его, как за ним быстро вошли двое юношей с мешками и, оттолкнув, прошли в комнату; там гремела музыка и был слышен шум швейной машинки. В коридоре было душно и пыльно. С криком: «Мальчики, мальчики!» женщина ринулась за мешочниками, и через минуту вывела в коридор кого-то в лохматом наряде лешего.

– Вот! – сказала она Тягину и обратилась к лешему: – Света, покрутись, покажи. Можете зайти, там еще посмотреть.

– Это маскировочный костюм? – наконец сообразил Тягин.

– Да, для снайперов, – радостно закивала женщина, сделав ударение на «о». – Видите, как всё аккуратненько? Прямо ниточка к ниточке. Пощупайте.

Тягин потрогал.

– Вы ведь от Луценко? – спросила женщина.

– Нет, я сам по себе, – сказал Тягин, и стал объяснять кого ищет.

Женщина такого не знала и посоветовала Тягину обратиться к соседям, что он и сделал. Соседи направили его в дом напротив. Там выяснилось, что и они напутали. Наконец нашел.

Почти всё время, что Тягин пробыл у старика фельдшера, тот сидел нахохлившись, высоко сложив на груди руки и посторонним наблюдателем глядел на повернутую к нему боком шахматную доску, словно ждал отлучившихся игроков. Тягин его помнил веселым бородачом с трубкой. Сейчас он был выбрит, и как-то слишком выделялась на его старческом лице непривычно голая широкая верхняя губа. В беседе (у него был всё реже встречавшийся старый одес-

ский выговор) он то и дело пожимал плечами и недоверчиво, часто невпопад махал рукой. Привезенные Тягиным подарки, четыре пачки голландского табака и маленькую вересковую трубку, брать отказался: «Я своё откурил».

Тягин поделился первыми после двухлетнего перерыва безрадостными впечатлениями от увиденного, пожаловался на запущенность и какой-то внутренний упадок.

Старик раздраженно, всем телом дернулся.

– А что ты хочешь от города, в котором меньше года назад загубили полсотни душ? Так и будет. Им завтра плаху на Соборке поставят и начнут головы рубать, а они будут ходить мимо и плечами пожимать... – и он обречено махнул ладонью.

Зато на сообщение Тягина о продаже отцовской квартиры одобрительно покивал, правда тут же предупредил:

– Ты тут вообще потише будь и сильно не торгуйся. Бери сколько дают и тикай отсюда. Ты ж еще и журналист...

– Я всего лишь какой-то там обозреватель: кино, литература... К политике никакого отношения...

– Да кого это е**т! – нетерпеливо воскликнул фельдшер, впервые при Тягине матерно выругавшись. – Тикай, говорю.

Как и в прошлый раз, Тягин собирался кое-что спросить об отце и, как и тогда, настраивал себя, настраивал, но так и не решился. Так и ушел ни с чем.

– Противные времена настали, – говорил, провожая его, фельдшер. – С погодой тоже что-то не то. Раньше перед переменной поясницу тянуло, мебель трещала, аж подскакиваешь. А сейчас раз – и дождь пошёл. Ни с того, ни с сего. Или снег. Раз – и пошел. Без подготовки, без предупреждения, без ничего... как будто так и надо.

Следующие два дня Тягин провёл в одиночестве; слушал пластинки на старом проигрывателе и смотрел телевизор, чего не делал много лет. В углу стояли принесённые с балкона, кое-где тронутые ржавчиной двенадцатикилограммовые наборные гантели. Утром он бегал вдоль моря, во второй половине дня выходил прогуляться по парку или выбирался в город. Ужинать ходил за несколько кварталов, в ресторан гостиницы.

Лишь на пятый день Тягин почувствовал себя готовым встретиться с Хвёдором. Чтобы не блуждать по пересыпским переулкам в темноте, решил выбраться пораньше. Перед выходом он наскоро перекусил и только налил кофе, как с известием, что вот-вот, с минуты на минуту подъедет покупатель, примчался Филипп.

– Вы пока, если что, не говорите, откуда приехали, – попросил он.

– Это почему?

– Он москвичей не любит.

– Он, кажется, квартиру придёт смотреть, нет?

– Да! конечно! Но лучше подстраховаться. Очень капризный клиент. Занервничает еще, потребует цену снизить...

– ?!

– Вы давно здесь не были. Слушайте, а давайте еще проще? Сделаем вид, что вы глухой.

– Как?

– Глухой. Я ему скажу, что хозяин глухой. Или глухонемой. Вам как удобней? Меньше хлопот, честное слово. А то он вдруг поговорить с вами захочет, что-то спросит, а вы не то ответите. Нехорошо выйдет. Мне потом придётся оправдываться, а он под это дело начнёт цену сбивать... О! Приехал.

Филипп выхватил из кармана заверещавший телефон и побежал встречать, а Тягин вернулся в кухню. Пару минут спустя он услышал, как щелкнул замок и Филипп с покупателем вошли и прошли сразу в комнату. Речь покупателя была настолько густо пересыпана незнакомыми словами и насыщена шипящими (так, например, несколько раз произнесённое им «спе-

циально» звучало как «шпечьяльно»), что Тягин с трудом улавливал смысл. В кухню вошёл Филипп и, протянув руку, попросил глоток кофе. Тягин удивленно дал ему свою чашку. Между глотками Филипп кивнул в сторону комнаты и, поморщившись, покачал головой. Наконец он вернул чашку, и Тягин поставил её в раковину. В это время в дверях вместе с волной сладко-горького запаха бесшумно появился одетый с иголки покупатель и произнес:

– Слава Украине!

И в то же мгновение Филипп выкинул в его направлении ладонь и отчаянно гаркнул в тягинское ухо:

– Мыкола!

Вздрогнув от неожиданности и боли, Тягин ударил Филиппа кулаком в лоб, да так сильно, что тот, ухватившись двумя руками за голову, качнулся, присел и опустился на одно колено. Тягин, сам не ожидавший от себя такого, подхватил его под локоть. Филипп с виноватой улыбкой сообщил покупателю:

– Михайло дуже погано чує...

Тягин посадил его на табурет и ушёл в комнату, так и не разглядев толком покупателя, успев лишь отметить маленькие блестящие глаза, тонкие губы и тяжелый нос сливой. Когда гости ушли, вызвал такси и стал собираться в дорогу.

Сразу за мостом, на Московской, он попросил водителя остановить и еще не успел закрыть за собой дверь, как к нему, словно она только его и ждала, кинулась цыганка.

– Мужчина! Парень!..

– Можешь не трудиться. Денег всё равно не дам, – осматриваясь, строго предупредил Тягин.

– Слушай, я тебе просто сказать хочу. Тебе пригодится, увидишь. У тебя сейчас очень тяжелая положения, – деловито начала цыганка.

– Так, гражданка, в чём дело? – вмешался подошедший постовой. – Почему пристаёте к прохожим? А ну, кыш!

– Не хочешь, как хочешь, – сказала цыганка Тягину и присоединилась к шумной ватаге товаров у дверей магазина.

Чувствуя лёгкую досаду от того, что цыганка не успела сказать больше, Тягин поблагодарил избавителя коротким кивком.

Он почему-то думал, что дом Хвёдора стоит в двух шагах от моста, за ближайшим углом, а оказалось, что от моста еще надо было идти и идти. К нужному двору в раскисшем от края до края переулке вышел в перепачканной обуви, с мокрыми ногами. В своей московской жизни Тягин как-то совсем отвык от таких пейзажей. Всё вроде бы хорошо знакомое, но, однако же, какая ужасающе грязная дыра! К тому же Хвёдора он не застал. Глупое минутное облегчение сменилось злым раздражением: придется переться сюда еще раз.

Домой Тягин вернулся усталым и замерзшим. Переодевшись, выпив чаю, взял тверязовскую рукопись и залез под одеяло. Плотные, желтоватые, чуть ворсистые листы (где он бумагу-то такую древнюю взял?), машинописный текст. И конечно первый экземпляр, он же, скорее всего, единственный. Саша Тверязов. Этим всё сказано.

Как там, он говорил, называется? Хроники? Ладно, хроники так хроники, разберемся.

Отвел первую, всю в росчерках страницу.

Затворничество Фомина становилось отчасти понятным Фомскому всякий раз, когда он взбирался к нему на седьмой этаж по самой крутой, самой грязной и – когда перегорали лампочки – самой темной из всех известных ему лестниц. Фомский и сам, предвидя трудности возвращения, сто раз подумал бы, прежде чем отправиться в путь.

Открыла домработница Фомина Марина – бойкая крашеная блондинка.

Зазвонил телефон. Это же надо: Тверязов.

– Как там мой роман? идет?

– Ну и чуйка у тебя. Не поверишь, но вот только что, минуту назад начал.

– Ну конечно! Да шучу я, можешь вообще не читать.

– Нет уж, я почитаю. Не мешай мне.

Тягин дал отбой.

Открыла домработница Фомина Марина – бойкая крашеная блондинка.

Опять телефон. Филипп.

– Завтра после пяти приходим смотреть квартиру – вы будете?

– Думаю, да.

– Замётано. Тогда до завтра.

Открыла домработница Фомина Марина – бойкая крашеная блондинка.

Телефон. Опять Тверязов

– Я чего звонил-то. Не хочешь в субботу на Староконный сходить, проветриться?

– Можно.

– Так я еще позвоню?

– Хорошо.

Ловко как обложил, усмехнувшись, подумал Тягин. Теперь хочешь не хочешь, а к субботе что-то придется прочесть. Он отложил телефон, и крашеной блондинке Марине с приставшей к ней фамилией Фомина пришлось открывать дверь в четвертый раз.

III

«Кофе? Чай?» – спросила она с порога.

«Потом. Дай отдышаться», – ответил Фомский и прошел в комнату.

Фомин с книжкой лежал в халате на своей более чем двуспальной кровати.

«Привет, Фома», – поздоровался Фомский.

«А, Фома! Привет, – отозвался Фомин и обратился к вошедшей Марине: – Принеси нам мадеры и еще чего-нибудь».

Марина, кивнув, исчезла.

«Что читаем?»

«Роман Гадёныша».

«Как?»

«Гадёныш. Новый писатель. Наш, местный. Возможно, псевдоним. Я, точка, Гадёныш».

«Ну и как?»

«Ничего. „Человек-удав“ называется. Терпимо. Лучше предыдущего».

«И о чем там речь?»

«Человек-удав, его зовут Станислав, питается людьми. Знакомыми и работниками коммунальных служб. Он их вызывает на дом, как пиццу. Вообще-то он писатель, и на тот момент пишет роман о писателе. У него мягкие кости черепа и, очевидно, всего прочего. Он сразу обхватывает пастью голову и потом лежит в кухне на полу и заглатывает жертву всё глубже и глубже. Происходит это довольно долго. Приляг».

Фомский подошел и прилёг в ногах у Фомина.

«Сначала жертва кричит, просит о помощи, а потом, смирившись, начинает, уже изнутри, рассказывать свою жизнь, в некотором смысле, исповедоваться. Постепенно речь жертвы становится всё глуше и тише...»

Фомский, прикрыв глаза, почесывал лоб над бровью (кухня, сумерки; в углу темнеет что-то вроде большого свертка; еле заметное движение, шур-шур, и далёкий сдавленный голос, слов не разобрать).

«...пока не затихает совсем. Такое вот познавательное пищеварение. Ничего, читать можно. Предыдущий, „Женщина-паяльная лампа“, был послабее».

Вошла Марина и поставила между ними поднос с бутылкой португальской мадеры и блюдом с сушеными фруктами и орешками.

Фомин не выходил из дому несколько лет, с тех пор как его единственная разбогатевшая в браке сестра, десять лет назад уехавшая в Испанию, взяла на себя все расходы по его содержанию. Всегда имевший склонность к такому образу жизни, он, впрочем, сдался не сразу и еще целых полгода продолжал ходить на службу в гимназию, но с того дня, как уволился, больше из квартиры не выходил. Время от времени он порывался прервать свое затворничество, приурочивая это событие то к первой годовщине, то ко второй, а то и еще к чему-нибудь, но все как-то не складывалось. Последний раз он назначил выход на начало весны и продвинулся дальше чем всегда, то есть до самой двери. Он уже натягивал с Мариной помощью пальто, когда вдруг, сославшись на дурноту, передумал. Выход был перенесен на конец весны – начало лета.

И вот, в середине мая Фомин и Фомский лежали на кровати, попивали замечательную мадеру, и на этот раз у Фомского были основания полагать, что выход состоится.

«Ты по делу или так?»

«И так, и так».

«Интересно», – промолвил Фомин и закурил маленькую сигарку.

Помолчали. Три книжных шкафа, шифоньер, комод, еще две этажерки с книгами, кресло, столик, кушетка, два глухо зашторенных окна, ковры – ничего, как и следовало ожидать, не изменилось, и взгляд Фомы, пройдя по комнате, вернулся к Фоме.

«Ты ведь собирался где-то в этих числах выйти, помнишь?»

Фомин вздохнул и задумчиво покивал.

«Да... но... – опять вздох, – ой, не знаю...»

«У тебя появился повод, – сказал Фомский. – С тобой хочет поговорить Вера».

Фомин поднял брови.

«Есть телефон. И она может зайти, – сказал он. И добавил: – В крайнем случае».

«Может. Но не хочет. Она хочет, чтобы ты приехал к ней. Завтра».

«Она с ума сошла? С чего вдруг? Я...»

В комнату вошла Марина. Широко расставив ноги, она наклонилась и провела ладонями вниз по черным кожаным брюкам, потрясла ногами, расправляя складки (и все-таки: спит он с нею или не спит?), сдула со лба челку и сказала:

«Я могу идти? Кофе в кухне на столе».

Фомин кивнул.

«До понедельника», – сказала Марина и вышла.

Фомин вопросительно уставился на Фомского.

«Пропал Сыч», – наконец сообщил тот.

«Давно?»

«Неделю назад».

«Ну и?»

«Фома, я ничего толком не знаю. Мне вчера позвонила Вера, сообщила, что пропал Сыч, и попросила, я бы даже сказал, потребовала, чтобы ты пришел к ней. Всё. Если хочешь, можешь ей позвонить, но я думаю, что она будет стоять на своем, то есть на том, чтобы ты приехал к ней. По-моему, у нее истерика».

«Ерунда какая-то», – сказал Фомин; он погасил сигарку, лег на спину и, заложив руки за голову, прикрыл глаза.

«Да... что ж... видно, судьба», – тихо произнес он минуту спустя.

«Значит, я могу ей сказать, что завтра ты будешь?»

«Только при одном условии: один я не поеду, поедем с тобой».

«Хорошо, я ей скажу».

Когда через полтора часа Фомский уходил, они договорились с Фоминым вечером созвониться и условиться о времени встречи.

Выражение лица при этом у Фомина было очень грустным.

Чтобы стало понятно почему Фома так легко согласился выйти из дому после нескольких (четырёх? пяти? – я уже счёт потерял) лет самоизоляции, надо бы, хотя бы в самых общих чертах, рассказать довольно запутанную историю его отношений с Верой и ее пропавшим мужем. Надо бы, конечно, но мне, честно говоря, лень. Если только очень коротко, по пунктам. Ну, в общем, когда-то Сыч и Фома крепко-крепко дружили (я в их компанию попал гораздо позже). До тех пор пока Сыч не познакомился с Верой. Фома увел Веру у Сыча и они поженились. Потом Веру потянуло за границу, в Америку. В самый последний момент Фома передумал и решил никуда не ехать. Думается, что к тому времени он к Вере остыл и предпочел такое вот романтическое завершение их совместной жизни: дескать, она туда, а ему, не нашедшему в себе сил расстаться с родиной, пришлось остаться здесь. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон, но только в облагороженном, возвышенном смысле. Не вышло. Вера наотрез

отказалась ехать без Фомы. Вскоре они разошлись, и Вера вышла замуж за Сыча, который только того и ждал.

В конце концов всё разложилось следующим образом:

а) Вера живет в полной уверенности, что Фома погубил ей жизнь;

б) Сыч, в свою очередь, пребывает в уверенности, что женившись на Вере, он выполнил унижительную роль запасного игрока, и изначальной причиной своих бед (жизнь у них с Верой не очень складывается) тоже считает Фому;

в) Вера утверждает и всячески дает понять, что искренне, всем сердцем привязана к Сычу, при этом, как мы помним, считая свою жизнь непоправимо загубленной, но их счастливому существованию мешает его комплекс запасного игрока (крик Веры: «Да ты же сам, сам испоганил все что можно было своими комплексами! Сам, понял?!» Из соседней комнаты к ней выскакивает Сыч и, задыхаясь от возмущения, кричит: «Я испоганил?! Это я испоганил?! Ну ты и сука!» Через минуту хлопает входная дверь, и Вера видит в окно, как Сыч быстро пересекает двор; она обессилено опускается на стул, ставит на стол локоть и закрывает ладонью лицо), и потому во всем винит Фому, виноватого в данном случае самим фактом своего существования;

г) все эти годы Фома чувствует себя вполне виноватым и перед Верой и перед Сычом, и как умеет пытается как-то скрасить их жизнь, в том числе выслушиванием бесконечных жалоб Веры по телефону и небольшой финансовой помощью, выделяемой им из сестринских пособий.

Кажется, так.

На следующий день мы сидим у Веры. На столе бутылка водки, нехитрая закуска; над столом дым коромыслом. Фома в распахнутом плаще и Вера в коротком летнем платье сидят за столом визави, я – у невымытого окна, листаю какой-то журнал. С самого утра я не в духе. Помню свою злорадную усмешку, когда я увидел Фому в плаще и шляпе (на дворе +25, на минуточку) у выхода из подворотни, где мы договорились встретиться в 16.00, чтобы я лишний раз не поднимался к нему. По лицу его – так в уличной луже всеми цветами радуги переливается бензинное пятно – сменяя друг друга, проплывали гримасы ужаса, брезгливости, недоумения, отвращения и проч. «Что, сукин сын, отлежал себе бока, пока мы тут суетились да бегали, высунув языки... Ну вот теперь и ты попробуй».

Итак, сижу, листаю журнал, о чем они там говорят, не слушаю. Заложив пальцем страницу, кладу журнал на колени и тянусь к столу за своим стаканом. Тут до моего слуха долетает странное, выпадающее, как мне кажется, из контекста, словосочетание «египетское метро». Я выпиваю, закуриваю и прислушиваюсь.

«Ну, как тебе сказать, – горячо говорит Вера (в бутылке уже меньше половины), – это что-то вроде визионерской реконструкции. Оно ему явилось, понимаешь? Ты же знаешь, сейчас такое время, когда вокруг открывается масса информационных каналов...»

Фома (осторожно):

«Где открывается?»

Вера:

«Везде. Вокруг нас. Не придуривайся. И вот он однажды все увидел в подробностях, и потом еще видел. Ему это открывается».

Вера опрокидывает в себя треть стакана, икает, морщится и вытирает пяткой ладони слезящиеся от дыма глаза. Между прочим, весьма недурной из себя девицей была всего лишь несколько лет назад, но:

Если уж крепких мужей, не живущих вседневной заботой
Как бы наружность свою побережь, не сносить раньше срока,
Долгий и тесный союз с алкоголем не делает краше,

Что ж говорить о девицах с их нежною кожей, которым Год такой дружбы идет за все три, а кому и четыре...

Странно, но у нее и сейчас еще ноги очень даже ничего; кстати, никогда не обращала на меня никакого внимания.

Фома:

«Я так понимаю, что это что-то вроде фантаз...»

«Нет! – резко обрывает его Вера. – Нет! Абсолютно. Я же тебе говорю: ему открылось. Это гениальное прозрение, понятно? Гениальное! Переворот в истории! Там никаким шлиманам не фиг делать!»

Фома:

«Я понял. А он много пил в последнее время?»

Вера (пожимая плечами):

«Да нет... как обычно».

«А наркотики?»

«Нет. Ты же знаешь, он не по этому делу. И причем здесь это?»

«Просто спрашиваю».

«Это здесь ни при чем».

Фома грустно кивает.

«Нет, это и в самом деле что-то удивительное! – горячо продолжает Вера. – Как будто снисходит на него, понимаешь? Когда его слушаешь, то прямо видишь все эти станции: Луксор, Карнак, как их там еще... Если у греков был их греческий огонь, то можно допустить, что он был известен еще египтянам, и вот они использовали его как реактивную силу для своих повозок – понимаешь, да? Таким образом они пытались оживлять покойников. Там, под Долиной Царей. Они верили, что набрав определённую скорость можно пустить процессы вспять, воскресить умершего, и тогда уже он приобретёт бессмертие. Представляешь? Ты где-то такое слышал?»

«Нет, конечно. Где я еще мог такое услышать?»

«Только не надо вот этой твоей иронии».

«Какой иронии, Вера? Никакой иронии. Ты только не волнуйся».

«А я и не волнуюсь. Перестань из меня идиотку делать, ладно? Я тебя не для этого позвала».

«Вера, ну зачем ты... я ничего, просто...»

«Не надо! Он должен закончить вот это!»

Вера со всего размаха хлопает по папке перед собой; бутылка на столе падает, я ее тут же поднимаю.

«Эге, ребята, – думаю я, – да вы, я вижу, времени тут зря не теряли».

Фома:

«А почему ты решила, что он исчез надолго? Такое ведь бывало. Может быть, надо просто подождать?»

«Нет!»

«Почему?»

«Я говорю: нет! Я чувствую. Ладно. В общем, мы сильно поругались. Очень сильно. Ему надо помочь. Тебе недостаточно?»

«Хорошо. Он что-то в последнее время писал еще?»

«Да. Есть один незаконченный роман, в той комнате».

«Дай мне его почитать, можно?»

«Зачем?»

«Не знаю... просто так. Люблю читать».

«Бери».

«И этот с подземными поездами, если можно».

«Только ненадолго. Я сама еще не читала».

«Не читала? Откуда же ты знаешь...»

«А всё рождалось вот здесь, при мне!»

«Понятно. И дай мне еще адреса людей, у которых он мог бы быть».

Фома с Верой встают и выходят в другую комнату.

На обратном пути Фома уговаривает меня помочь в поисках Сыча. Я соглашаюсь. Вид у Фомы убитый, просто убитый.

«Да... – тихо произносит он. – Кажется, я влип. Выпить хочется. Давай?»

Среди ночи Фомский, спавший на кушетке, проснулся от почти физического ощущения, что на него смотрят, и тихо позвал:

«Фома...»

«Чего тебе?» – отозвался Фома.

«Спишь?»

«Нет, как видишь. Вернее, как слышишь».

«Извини».

«Ничего. Что-то хотел сказать?»

«Да... Не знаю... Мне как-то не по себе...»

«Плохо?»

«Да. Вроде того... И еще почему-то лезет в голову египетское метро Сыча. Все эти огромные подземные станции с колоннами, стены в иероглифах, чаши с огнем... и поезда... черт бы их побрал».

«Ты уже читал?»

«Нет».

«Ну, в общем, похоже».

«А ты прочёл?»

«Нет, только пролистал».

Пауза.

«Что-то мне худо, Фома...»

В изголовье кровати бесшумно загорелся светильник, и Фомский увидел на высоко поднятой подушке бледное лицо Фомина, который устало и недобро глядел на него. Они некоторое время смотрели, не мигая, друг на друга; у Фомского перехватило дыхание.

«Тебе страшно со мной?» – произнес Фомин.

«Да. Если честно».

«Мне с тобой тоже».

Фомский медленно, стараясь, чтобы под ним не заскрипела кушетка, приподнялся, сел; Фомин молча исподлобья следил за ним.

«Я хотел тебя спросить, Фома...» – начал Фомский осторожно и запнулся.

«Спрашивай».

«Нет, лучше как-нибудь в другой раз».

«Спрашивай сейчас».

«Ну, хорошо... – Фомский, вздохнув, опустил глаза, продолжая искоса следить за Фоминым. – Скажи, Фома, только честно... у тебя ведь под подушкой...»

«Да».

«Это ведь на тот случай, если бы я подошел?»

«Да».

«Только на этот случай?»

«Да», – опять произнес, словно выронил, Фомин; за все время он не шелохнулся.

«Я бы не подошел. И не подойду. Можешь быть уверен».

«Хорошо».

Помолчали.

«И что же нам делать?» – спросил Фомский.

«Надо выпить. Принеси чего-нибудь».

«Ты очень бледный»

«Я знаю. Неси».

Фома откинул одеяло, опустил на ковер босые ноги. Не сводя глаз с Фомы, поднялся и пошел в кухню. Пока он шел по коридору, его трясло от холода и страха, ему казалось, что Фома, выскользнув из-под одеяла и прихватив из-под подушки заранее приготовленный нож, уже бесшумно бежит за ним на заплетающихся, непослушных ногах. И бежит вовсе не для того, чтобы зарезать, зарежет он потом, в самом-самом конце, а до этого произойдет что-то невыразимо ужасное. Фома вбежал в кухню, ударил по выключателю. В стенной кладовке был целый склад самых разных вин, но сейчас требовалось что-то покрепче. Панически оглядываясь на темный коридор, Фома открыл холодильник, выхватил бутылку джина, открутил крышку, сделал большой глоток и кинулся к буфету за стаканами. Там он сделал еще пару глотков из горлышка и замер, дожидаясь, когда начнет легчать. Дождавшись, вытер холодный пот со лба, разлил джин по стаканам, нарезал сыр и хлеб, все поместил на поднос и понес в комнату.

IV

Утром следующего дня Тягин проснулся в панике – во сне по неосторожности он неправимо что-то стер: то ли очень важный номер в телефоне, то ли дорогое сердцу воспоминание (возможно и то, и другое разом) ... – и поднялся затемно. Так рано на пробежку он еще не выходил. В холодном парке под сырым белесым небом было безлюдно. Заставленная краинами Карантинная гавань вся сияла желтыми и белыми огнями, и отсвечивающая, подернутая лёгкой рябью вода между причалами напоминала мелкую брусчатку.

За завтраком он подумал: а чего, собственно, тянуть? и в начале десятого уже сидел у Хвёдора. У того день был в самом разгаре: гремела музыка, свистел чайник, щелкал попугай в клетке. В синем рабочем халате, перетянутом солдатским ремнём, Хвёдор, как всегда, что-то увлечённо мастерил. У него были золотые руки и удивительная склонность к бессмысленным занятиям. Так он мог провозиться полдня, переделывая одноразовую зажигалку в много-разовую (при том, что не курил), или угробить неделю на ремонт никому, в том числе и ему самому, не нужной пишущей машинки. Впрочем, и на такие работы иногда находились заказчики. Зарабатывал он какие-то копейки, и непонятно было, на что бы вообще жил, если б не регулярные денежные переводы от сестры. Ну а деньги были известно чьи, тягинские. Лет Хвёдору было тридцать... четыре? Но уже имелись широкая седая прядь, больной желудок и изможденное лицо с малоподвижным взглядом, иногда загоравшимся фанатичным огнем.

За окном было хотя и пасмурно, но достаточно светло, норовило вот-вот выглянуть солнце, и у Тягина так и тянулась рука погасить горящую во все три лампы люстру. «Как можно жить среди такого хлама?» – раздраженно думал он, обозревая комнату, по всему периметру заставленную разномастной уродливой мебелью; пространство между верхами и низким потолком было плотно забито стопками книг, журналов и газет. В этой давившей, словно виснувшей на плечах, тесноте Тягину всё труднее становилось дышать. К тому же он устал от хозяина – невоготу было ни видеть его, ни слышать. Вот уж где чудеса: впервые увидев Хвёдора у Тверязова много лет назад, разве он мог представить, что недалекий молодой человек, с которым он и знаясь-то никогда не собирался, станет когда-нибудь его родственником (ну, или почти)? Тогда это был тихий скромный работяга из начитанных, занимавшийся квартирными ремонтами. В разговор, если не спрашивали, вступал редко и больше слушал, чем говорил. Теперь на правах дважды шурина Хвёдор, кажется, решил наверстать упущенное. Тверязова он поучал, а с Тягиным почему-то взял на себя странную роль трагического свидетеля, едва ли не жертвы.

– Чай будешь? – спросил Хвёдор, сметая ладонью в ладонь яичную скорлупу с грязной клеёнки; смазав каплю майонеза, присосался к мизинцу.

Тягина передёрнуло.

– Нет, – отказался он и, подводя итог, сказал: – В общем, если это делать, то лучше сейчас, пока у меня есть такая возможность.

– Спасибо. Обойдусь.

– Как это? Ты же хотел.

– Как хотел, так и расхотел.

– Ну, как расхотел, так можешь и опять захотеть. Впрочем, тебе решать. Я только предлагаю. Инициатива, сам понимаешь, не совсем моя.

– А если не твоя, так и нечего тебе беспокоиться. Такой вот я придурок, не хочу в эту вашу Москву. Да и на какие шиши я там буду существовать? Хотя бы первое время. Накоплений у меня никаких нет. Кормить меня кто будет?

Тягин не смог отказать себе в удовольствии воспользоваться предложенным словцом.

– Ну, кто ж тебя, придурка, будет кормить? – сказал он, широко и зло улыбаясь. – Я, естественно.

Хвёдор, цокая и передразнивая тягинский оскал, закачал головой.

– Ты слишком веришь в свое обаяние. Оно, может быть, у тебя и есть, но не на всех действует. Это вечно пьяный Тверёзый пусть тебе свою жену прощает, которую ты у него увёл, он добрый...

– Может, обойдемся без этой ахинеи про жену Тверязова? Прекрасно ведь знаешь, что никуда я её не уводил, они сами уже расходились...

– Да, «расходились», конечно. Если б ты не влез между ними в критический момент, никуда бы они не разошлись. Поломал двум хорошим людям жизнь и радуешься.

– Кому еще поломал? – терпеливо спросил Тягин.

– Тебе лучше знать. Ты думаешь, тот парень в красном платье, в поезде, на тебя просто так посмотрел, случайно? Нет. Ошибаешься. Это, – Хвёдор поднял к лицу полусогнутый указательный палец, – твоя совесть на тебя посмотрела. То ли еще будет. Всё в жизни взаимосвязано. А ты думал!..

Тягин едва не выкатил глаза от изумления: это еще что такое?! Нет, ну вот как это понимать! Как такое вообще возможно?! Ведь попросил же о приезде никому не говорить, и вот, пожалуйста: мало того, что разболтал, так еще и в деталях. «Что тут творится, интересно? И что я здесь делаю?» – как бы глядя со стороны, воскликнул он про себя. Виду, однако, все-таки не подал и даже попробовал отшутиться:

– Совесть в красном платье. К тому же мужик. Богатая у тебя фантазия, Федя.

– Не жалуюсь. Да и вообще... – Хвёдор сделал паузу. – Я, может, еще воевать пойду.

Он отошел к входным дверям, выкинул ладонью хвостик из-под воротника и стал звонко мочиться в пустое ведро у порога.

– За кого?

– Еще не выбрал. И там, и там наши люди. А от тебя мне ничего не надо. Достаточно того, что сестрица помогает, спасибо ей. Мне и так нормально.

«Сестрица помогает». Тягин почувствовал, что если будет сдерживать себя и дальше, ничем хорошим здесь не кончится. Он уже и так с трудом балансировал между крайностями: плюнув на всё, пуститься в слезливые просьбы с предложением хороших денег или же, ухватив за хвост на затылке, хорошенько стукнуть Хвёдора мордой об стол. К тому же не было сомнений, что первое потянет за собой второе, и наоборот. Какой-то пар надо было выпустить, и он решил кое-что себе позволить:

– Нормально, говоришь? Что ж ты тогда сестрице плачешься, как тебе плохо и как ты хочешь в Москву, если тебе здесь нормально? Может объяснишь?

Хвёдор шумно завозился в выдвинутом из буфета ящике, подбирая и злобно швыряя какие-то железки, и сделал вид, что не слышит. То что паразит набивает себе цену и наверняка собирается ставить условия, на которых соблаговолит ехать в Москву, у Тягина уже сомнений не вызывало, но вот чего он не мог понять – как Хвёдор учуял, что позарез ему нужен?

– В общем так, – сказал он, направившись к выходу. – Пока я здесь, думай. Нам с Дашей нужен твой твердый ответ.

– Ничего, я ей расскажу про твой визит, – пообещал Хвёдор, собираясь закрыть за ним дверь.

– Что ты ей расскажешь? – Тягин придержал дверь ладонью. – Как я пришел и просил тебя?

– Она сама всё услышит. Я нашу беседу записал.

Тягин вдруг пришел в исступление.

– Записал?! А ну покажи!

Он крепко схватил Хвёдора за грудки и шумно, чуть не опрокинув отхожее ведро, затолкал обратно в комнату.

– Да нет никакой записи, пошутил я! – испуганно ответил оторопевший от натиска Хвёдор.

Тягин перевел дух и опустил руку, которой сжимал ткань халата.

– Извини. Я сейчас немного на нервах. Извини.

«И стоило ради этого сюда ехать! – воскликнул он про себя, как будто забыв, что приехал продавать квартиру. – Довёл-таки, идиот! Сжечь бы к чертям его хибару, тогда и уговаривать не пришлось бы». Сразу за воротами он поскользнулся и едва-едва удержал равновесие, даже пот прошиб. Поднятые его дерганными движениями собаки, до того тесно лежавшие на сухом пятачке под стеной дома, сначала метнулись кто куда, а потом с оглушительным лаем бросились за ним и преследовали до выхода из переулка.

Самое время навестить Абакумова, подумал Тягин. А что? и настроение подходящее и, раз уж так пошло, лучше покончить с малоприятными встречами в один день. Злой энергии было хоть отбавляй, не пропадать же ей даром. К дурному расположению добавилась еще и досада на финальную вспышку гнева у Хвёдора. «Глупость какая! Да если бы он и записывал – я-то ведь ничего такого не сказал...»

Он сел в такси, и когда машина вынырнула из под арки Пересыпского моста, его поразило неожиданное совпадение: а ведь у истоков истории, в которой он завяз и из которой теперь с помощью Хвёдора пытался выскочить, стоял тот самый Абакумов, к которому он ехал, и следовательно сейчас он как бы перемещается из конца истории к ее началу. Или скорее прологу. На лет двадцать назад. Как-то всё здесь рядом, раздраженно подумал он. Во всех смыслах. Не Москва. Хрен что забудешь, живя здесь.

Я хорошо помню, как увидел ее первый раз на выставке уже покойного художника Банникова восемь лет назад. Она стояла с фужером белого вина, в шелковом приглушенно-пестром платье, в соломенной шляпе с широкими полями. Помню ее улыбку. Сиянием свежести и красоты она преображала всё вокруг. Преображала, украшая. Как букет цветов, внесённый в комнату. Я не большой специалист в описании красивых женщин. Поэтому и не стану этого делать. Скажу только, что к ней и подойти-то было боязно. Казалось, будто она появилась ниоткуда, потому что ну не могла же она жить между нами, оставаясь незамеченной. Таким было первое впечатление. А мы явились на выставку троим: я, Т. и А. – веселые, глазастые уроды, и, конечно, А. сразу же взял ее в оборот. Он тогда увлекся фотографией и всем представлялся художником-фотографом. Для соблазнения девиц лучше не придумаешь. На наших глазах он уговорил её попозировать, и чуть ли не на следующий день она перебралась к нему. Месяца через три... да, через три, уже было начало осени, А. передал ее Т. Именно так: передал. Потом пришла и моя очередь.

Так начиналась его исповедь. Её он сгоряча решил опубликовать в газете, в которой тогда работал, и когда ему отказали, хлопнул дверью. Потом, правда, вернулся.

Девушку звали Катя. Она была не очень умна, еще по-детски доверчива и не сознавала в должной мере своей привлекательности, как молодые большие собаки некоторое время не чувствуют собственной величины и силы. И в привязчивости её было что-то собачье. Вероятно, она решила, что передача её из рук в руки происходит по их взаимной договоренности, и покорно ждала, когда они определятся, с кем из них ей всё-таки жить. А еще она очень не хотела возвращаться к себе домой, в какую-то страшную пьющую семью. Ну и они вполне этим попользовались. Где-то через три месяца Абакумов пришел с ней в гости к Тверязову и просто оставил ее там. С Тверязовым она могла бы прожить долго, может быть, и всю жизнь, если бы её не увел Тягин. Увел шутя, между делом. А прожив с ней месяц, отправил обратно к Тверязову. И тут тихий Тверязов взбунтовался и не принял её. Она попробовала вернуться к Тягину, он её выставил. Она исчезла. Года два спустя Тягин увидел ее возле Привоза у входа

в один из при базарных зловонных дворов. Она крепко выпивала, что было видно по её окружению, и по лицу, уже приобретающему общие для алкоголиков черты, выделяющие их как бы в отдельную народность. Прошло еще сколько-то лет, и вот однажды в редакцию, где он в тот вечер одиноко засиделся, занесло посетительницу лет пятидесяти, испитую, косноязычную бабу. Непонятно даже было, как она в столь поздний час там оказалась. Станных просителей тогда по редакциям ходило немало, но ничего более дикого, чем просьба этой бабы, Тягин не слышал. Она рассказала, что летом её старшую дочь нашли убитой в одном из строящихся в Аркадии многоэтажных жилых домов. И вот не могла бы их газета подействовать в том, чтобы хозяева этого дома, когда его достроят, *раз уж убийцу не нашли*, выделили в нем ей и ее семье хотя бы самую маленькую квартирку. Жить им, после того как сгорел их дом под Одессой, негде, а так она еще и была бы всегда рядом со своей любимой доченькой, с памятью о ней. Когда опухшими руками она стала выкладывать вслед за свидетельствами о рождении, о смерти и еще какими-то бумажками, наконец, фотографии, у Тягина потемнело в глазах. Он дал ей денег, что-то наговорил и выпроводил. Помнится, его поразила изощренная драматургия возмездия. И постоянно крутился вопрос: почему именно к нему? Недели две спустя, выпивая в одной компании с Абакумовым и Тверязовым, он рассказал им о визите бабы. На что Абакумов, вздохнув, произнёс: «Вот и это лёгкое дыхание растворилось в окружающем воздухе». Позже Тягин подумал, что Кум, может быть, и вздохнул и сказал вполне искренно, с горечью, но в тот момент услышал только обычное абакумовское глумление. Выждав с четверть часа, выпив еще, он прицепился к какой-то его очередной шутке и набросился на него с таким остервенением, что их едва растащили.

И вот после этой удивительной истории, глубоко его поразившей, – что было у него в голове, какой лукавый его попутал, когда он увидел под тверязовским домом Дашу, жену Тверязова, выскочившую на улицу после очередной ссоры? С дорожной сумкой на плече и курткой на локте, она сказала, что у неё с Тверязовым всё кончено. И вместо того чтобы отвести ее, подвыпившую, к мужу и помирить, он увел ее на Канатную. На следующий день они улетели в Москву. Бежали. Ужаснувшийся содеянному Тягин думал, что там, отдышавшись, он что-нибудь придумает. И ведь даже тени мысли не мелькнуло, в какую ловушку он себя загоняет! Что тогда чувствовала и о чем думала Даша, Тягина не очень интересовало, ему меньше всего хотелось повторить историю с несчастной Катей (а если еще учесть, что до того, как Даша стала женой Тверязова, за ней пытался приударить Абакумов, неприятная параллель просто била в глаза), и он полагал, что через Москву это будет выглядеть не так похоже. Возвращение однако с неделю на неделю откладывалось, и зажили они какой-то тусклой, через силу жизнью. У него хотя бы были дела, работа. Даша, сосредоточившись на обустройстве быта, жила еще стесненной. За всю жизнь никуда ни разу не выезжавшая, она была к тому же напугана Москвой, что несказанно раздражало Тягина, которому казалось, что она притворяется.

Возник его план полгода назад. Даша была в ванной, когда на ее телефон позвонил Тверязов, и Тягин в первый раз с ним поговорил. Он и раньше знал, что Тверязов, напиваясь, ей звонит. И после неожиданно теплого, освобождающего разговора Тягин окончательно решил, что будет делать. План был такой. Он привозит в Москву Хвёдора, который к тому времени уже закидывал намеки о переезде, помогает ему обустроиться, через какое-то время расстаётся с Дашей и она уходит к брату, потому что больше ей идти не к кому. Ну а уж дальше они как-то строят сами (может, и с его помощью) свою жизнь в Москве или же, что вероятней, под давлением невлюбившей Москву Даши уезжают в Одессу. И там возможно и скорее всего Даша возвращается к Тверязову. Не исключено, что тот и сам примчится, как только узнает, что они расстались. Так или иначе, но после двух-то лет это уже будет несколько отличаться от истории с несчастной Катей, согласитесь. Главной задачей было придать возвращению Даши максимально натуральный вид. Чтобы никто из невольных участников операции «Возвраще-

ние» ничего не заподозрил. Просто всем однажды самым естественным образом должно стать хорошо.

V

Тягин вошел в знакомый подъезд и замер, прислушиваясь к скандалу наверху: оттуда неслись громкие мужские крики. Ругались двое, и один из них был Абакумов. Вот он выкрикнул что-то задорное, и тут же его голос был перекрыт криком:

– А это мы посмотрим! Кровью умоешься, сука! На поломанных костях ползать будешь! Обещаю!

Наверху громко захлопнулась дверь, но еще какое-то время оттуда доносилось возмущенное сходящее на нет бормотание. Тягин стал подниматься и на полпути встретил медленно спускавшегося хорошо одетого человека. Когда разошлись на площадке, тот приостановился и вежливо спросил:

– Цветы где-то тут рядом можно купить, не подскажете?

Тягин не знал ничего ближе пересыпского моста.

На двери напротив абакумовской висела табличка: «Не стучать, не звонить, не беспокоить!»

– Я сейчас ментов вызову! – отозвался Абакумов на стук, но когда Тягин назвал себя, защелкал замками и воскликнул: – Ух ты! День приятных сюрпризов просто!

Волнение хозяина Тягин, если бы не стал свидетелем скандала, мог бы принять и за радость.

– Проходи!

После Хвёдоровой захламленной халупы светлое и просторное до гулкости помещение с ободранными стенами и наполовину обвалившимся потолком несказанно обрадовало Тягина. Половину без потолка отгораживала великолепная резная ширма с вышитыми по шелку пионами и утками; в книжном шкафу затертым золотом отсвечивали широкие корешки томов; прямо напротив Тягина ярким пятном горела картинка с толстомясым Шивой, весёлой многорукостью напоминавшим швейцарские перочинные ножи с рекламных щитов. У Абакумова при всей его страсти к старине, к вещам и вещицам, было странное равнодушие к уюту.

– Это от тебя с таким боем выходили? – спросил Тягин.

Румяный от возбуждения Абакумов махнул рукой.

– А! ерунда. Небольшое недоразумение. Люди сами не знают, что хотят. – Беспечный тон хозяина был вполне искренним – скандалы для него всегда были делом почти обычным. – Но ты-то какими судьбами? Садись.

Покрытый скатертью стол, как всегда, был отлично сервирован – любил, стервец, хорошую посуду.

Вешая на спинку стула сумку и усаживаясь, Тягин поймал себя на том, что готовится к долгому, нелегкому разговору, и подумал: да какого черта! Здесь, где всё рядом, на расстоянии вытянутой руки, какие могут быть церемонии? И он решил не тратить времени на вступление.

– Извини, но я к тебе тоже с угрозами, – сказал он. – Не с такими кровавыми, как предыдущий гость, но...

Абакумов несколько секунд смотрел на Тягина, потом сказал:

– Час от часу не легче. То есть ты тоже, что ли, ругаться пришел?

Тягин не ответил.

– Вот тоска! – горько воскликнул Абакумов.

– А что тебе? Пока не остыл, пока в образе...

– Да ну!.. Это, знаешь, как одна соната заканчивается аллегро, и следующая начинается с аллегро. Нудновато как-то. Ладно, давай, что там у тебя: за что ты меня решил покарать?

– Кум, надо вернуть Ферзю его деньги.

(«Ферзь» была еще юношеская кличка Тверязова, полученная им, видимо, по отдаленному созвучию с фамилией, но очень редко употреблявшаяся ввиду полного несоответствия).

Абакумов удивлённо поднял брови.

– Что, прямо специально для этого из Москвы ехал? – спросил он, веселея на глазах. – Ты пьяный, нет?

– Из Москвы я приехал продавать квартиру. Нет, не пьяный.

– А почему тогда начинаешь с угроз, требований? Ни тебе здарсьте, ни пожалуйста... что за манеры?

Тягин тем временем достал записную книжку, написал на листке свой номер телефона, листок вырвал и положил на стол перед Абакумовым.

– В общем, вот, если что, мой телефон. На всякий случай.

Еще более повеселевший Абакумов, подтянул листок к себе, посмотрел, качнул головой и сказал:

– Крутой ты, конечно, парень, Миша. Пришёл, процедил что-то сквозь зубы, бросил на стол номер и пошёл себе. Молодец. Всегда тебе завидовал чёрной завистью. Ты посиди пока. Я сейчас.

Чему-то усмехаясь и качая головой, хозяин вышел в другую комнату.

Со школьным еще приятелем Абакумовым Тягин и Тверязов расходились и сходились не один раз. При желании можно было бы даже проследить некоторую периодичность. Причем никогда не было такого, чтобы Абакумов был в ссоре одновременно с обоими. Свои пронырливость, цинизм, сомнительную предприимчивость, которые у него назывались практической жилкой, Абакумов объяснял придуманным происхождением (фамилия, что ли, его надоумила) из древней династии купцов-старообрядцев. В золотую свою пору он возил в Москву антиквариат и редкие книги, попадавшие к нему не только из частных библиотек, а обратно модные на то время препараты, и посадил на них не одного человека. Даже Тягину он однажды ухитрился скормить какую-то гадость, от которой тот едва не загнулся и пришел в себя только на третий день. (История, кстати, странная, оставившая мутный нехороший осадок.) Года три назад, попав в полосу безденежья, Абакумов решил потрянуть стариной, попался и едва не сел. Выручил Саша Тверязов.

Пока Абакумов отсутствовал, в комнате побывала рослая, томная, одетая как секретарша девица лет двадцати в очках. Еле кивнув высоко поднятой головой и неслышно поздоровавшись, она поставила на стол со стороны Тягина тарелку и бокал, положила нож и вилку и так же торжественно, под траурный стук каблуков удалилась. И сама девица, и кое-какие предметы обстановки, как будто встрепенувшиеся с её появлением, отослали Тягина прямым ходом к тверязовскому роману, к одному из его главных героев Фомину, в котором Тягин уже с первых страниц стал угадывать некое мерцающее сходство с собой. Теперь оказывалось, что прототипов у сибарита Фомина, как минимум, двое, и Тягину придётся потесниться. «Так вот с какой грязью смешал меня Тверязов», – усмехнувшись, подумал он.

Вернулся хозяин уже сияющим вовсю. Подошёл к гостю и развернул перед ним принесённую бумагу, дёрнув её так, что она щелкнула.

– Расписка, – объявил Абакумов.

– Можно?

– На. Только не съешь.

Тягин взял расписку, посмотрел и отдал.

– Что, неловко? – спросил Абакумов, аккуратно складывая листок. – Принимаю твои молчаливые извинения.

– Да, извини. Раз так. Но... откуда она у тебя?

– Украл. И вот теперь перед тобой хвастаюсь.

– Почему тогда Тверязов... – рассеянно протянул Тягин и умолк, не зная, как закончить фразу.

– А что – Тверязов? – быстро переспросил Абакумов.

– Ничего. А всё-таки: как она у тебя оказалась?

Абакумов сел за стол и жестом пригласил Тягина подвинуться ближе. Тот остался там, где сидел.

– Ты его бывшую жену не видел? – спросил Абакумов. – Тверязова. Последнюю, я имею в виду. Жаль. Колоритная обезьянка. Ему всегда с бабами не везло. – Вскинув палец, Абакумов поспешно оговорился: – За редкими исключениями, конечно! – и продолжил: – Но эта что-то особенное. Знаешь, есть виды деятельности, до которых нормальный взрослый человек ни при каких условиях всё-таки не должен опускаться, ниже только эксплуатация калек и выманивание денег у одиноких стариков. К ним я отношу авторскую песню, всякие интеллектуальные угадки, ролевые игры, сочинение фэнтези... в общем, ты понял. В ту же кучу мусора можно добавить граждан, работающих до седых мудей весёлыми и находчивыми. Так вот эта барышня ухитряется заниматься всем перечисленным одновременно. Ты можешь себе такое представить? Мама мия, да мне тут и чего-нибудь одного с головой бы хватило, а он с ней год прожил! Год! – Абакумов шумно выдохнул. – Понятия не имею, как ей досталась расписка. Я ведь не обязан знать, как они там делили имущество. Пришла сама, я её не искал. И, честно говоря, не собирался с ней иметь дело. Так она мне даже угрожать стала какими-то своими друзьями. Вот тут я – да, страху натерпелся. Как представил себе этот кошмар: открываешь дверь, а на пороге бригада эльфов – ну, думаю, потом перед соседями стыда не оберешься. В общем, пободалась она со мной, пободалась – клятая такая! – и предложила отдать расписку за половину. Кто бы отказался? А то, что Тверязов не помнит и путается, так это она его, может быть, совсем уже с ума-разума свела, окончательно... Да! Она ж еще и психолог! Се-мей-ный.

– Ну хорошо, половину ты ей отдал. А вторую не хочешь ему вернуть?

– Вторую? Как тебе сказать... Я себе до сих пор простить не могу, что вернул первую! Шучу. Очень хочу вернуть, Миша. Очень. Прямо ночей не сплю. Но не сейчас. И не в ближайшем будущем. Единственное, правда, что хотелось бы знать: а с какой стати?

«Нельзя обманывать Тверязова, это грех», – чуть не произнёс Тягин, но, слава Богу, удержался. И даже поморщился от приторной слащавости едва не произнесенной фразы. Да и: уж кому-кому...

– Видишь, как получается, – продолжил Абакумов, воодушевившись и взяв назидательный тон. – Я только что тебе честно, по-дружески рассказал, как было дело, а ты сразу же пользуешься. Нехорошо. Я ведь мог сказать, что вернул всё полностью. Доказательство – вот оно, – он похлопал по листку на столе.

Тягин усмехнулся.

– В то, что ты отдал всю сумму какой-то бывшей жене, я бы всё равно не поверил. Поэтому ты и сказал про половину. Кстати, может, и половины никакой не было. Впрочем, разбирайтесь сами.

– Так вроде ж разобрались. Садись ближе, перекуси.

– Спасибо. Надо идти.

Тягин перевёл дух. Чувствовал он себя странно. Его собеседник сегодня явно выглядел победителем, и это было впервые за все долгие-долгие годы, что они знали друг друга. Конечно, на мнение Абакумова Тягину всегда было наплевать, но лоб от щелчка таки горел. Чтобы не заканчивать встречу на столь непривычной для себя ноте и хоть немного отвлечь Абакумова от его триумфа, он спросил:

– А чем это Бурый так занят – «не звонить, не стучать, не беспокоить»?

– Что? А! Нет, это его жилец, Кишинёвер. Проклятый собственной женой поэт. Сбежал сюда от неё аж из самой Каховки. Он тут и раньше останавливался, а теперь, похоже, перебрался надолго. А объявление так, для привлечения внимания.

Зазвонил телефон, и Абакумов поднес его к уху. Он долго слушал, потом сказал: «Этот абонент для тебя больше не доступен, гнида» и дал отбой. Повозившись с телефоном, поднял голову:

– Так о чём я?

– О поэте.

– ?

Тягин показал большим пальцем за плечо, на дверь.

– Ах, да! Кишинёвер. Тоже, между прочим, весьма поучительная история. Представь. Человек всю жизнь писал себе стихи. В основном почему-то про Русь. Такие, знаешь, разудало-горькие вирши: «А веселье Руси – плаха да топор...». В таком духе. Гражданская айлю-ли лирика. Это он теперь призывает всю эту «гой ты Русь» извести под корень, а тогда всё больше печалился. Я его, кстати, спрашивал: ты в России-то хоть бывал? Молчит. То есть тогда молчал. А теперь говорит, что его ноги там больше не будет. – Абакумов рассмеялся. – Короче говоря, несколько лет назад угораздило его жениться. Жена с ним пожила-пожила, посмотрела-посмотрела и тоже давай стихи строчить. Причём о том же и теми же словами, не отличишь. Ну, это естественно – образец-то постоянно перед глазами. В общем, прогоревали они над нескладной недотёпистой Русью сколько-то там лет, не так уж много, и решили разойтись. Собственно, и развелись-то из-за того, что девица уж слишком, по мнению Кишинёвера, увлеклась стихотворчеством, в ущерб всем своим прямым обязанностям. Может быть, ещё и ревность заела, творческая, не знаю. И вот тут первый интересный поворот. Они расходятся, но фамилия-то у неё остаётся его, Кишинёвера... Да! Забыл самую важную деталь. Имя. Мало того, что она взяла его фамилию, так они ж ещё и тёзками были. Он Евгений и она Евгения. Думаю, что когда-то их это умиляло. Ну и вот после развода оказывается, что в Каховке теперь целых два поэта по фамилии Кишинёвер и оба Евгении, что, согласись, для небольшого города многовато. То есть оно так и раньше было, но тогда жена как бы пребывала в тени своего именитого мужа, а тут вышла на свет. Дальше больше. Кишинёвер обычно подписывался: «Евг. Кишинёвер», и под такой же, как бы от руки, шапкой выпускал свои книги. И вот поэт Кишинёвер-женщина издает свой первый сборник стихов с точно таким же написанием имени на обложке и со своей веселой физиономией на второй странице. Мало того: с десяток ранее нигде не публиковавшихся стихов Кишинёвера вдруг оказываются в книге бывшей супруги, которая на вполне законное возмущение теперь уже однофамильца: «Что ж ты, зараза такая, делаешь?!» обвиняет его же в неоднократных кражах её виршей и вдобавок рекомендует взять псевдоним, чтобы их не путали. Предлагает свою девичью фамилию. Говорят, в центральном, он же единственный, книжном магазине города Каховки имело место даже публичное выяснение отношений с зуботычинами и тасканием друг друга за волосы. Но баба молодец, да? Сейчас Кишинёвер завёл с ней тяжбу, а пока суд да дело, его потрёпанную лиру прибило к нашему берегу. Как по мне, история еще не исчерпала весь свой потенциал. Почти уверен, что мадам тоже очень скоро здесь объявится. С удовольствием на неё посмотрю. А кроме того, есть еще хороший задел на отдалённое будущее, потому что там, в Каховке, у Кишинёвера остался сынишка, и догадайся с одного раза, как его зовут. Вот так. Умеют люди выбирать жён, ничего не скажешь. Это Бурый его сюда поселил, он недавно дом на Слободке купил, а здесь у него теперь вроде гостиницы. Порадел родному человеку – у него же тоже похожие проблемы с Руденко, если помнишь...

Бурый и Руденко были известные в городе художники, годами обвинявшие друг друга в подражательстве, плагиате и тому подобном.

Тягин поднялся и снял со спинки стула свою сумку.

– Рассказывают, что в Киеве Бурый с горящим факелом преградил путь бойцам «Беркута» и стал им читать «Одно лето в аду», – говорил Абакумов, провожая Тягина к двери. – А потом бросил факел в кучу покрышек. Так началась революция.

– Я слышал о Малларме, кажется.

– Тоже неплохо. Будь здоров.

А хорошо, что так получилось, с распиской, думал Тягин на обратном пути. Да и как бы, интересно, он заставил Абакумова раскошелиться, если бы тот всерьез заартачился? Ну, потаскал бы за ворот, погонял бы по квартире. Куму это как с гуся вода. К тому же, что-то подсказывало Тягину, что Абакумов сегодня и без расписки не стал бы сдаваться. Видно, многолетняя инерция их отношений уже сошла на нет, и эта бумажка тут пришлась очень кстати. День как-то вдруг – раз – и переломился. Сидя на заднем сидении везущей его домой машины, Тягин с удовольствием потянулся: «хорошо-то как!». На весёлой волне он вернулся к мыслям о Хвёдоре и быстро утешил себя некой бодрой импровизацией, странным рассуждением, что ничего для него не значащая ненависть Хвёдора (а ведь дурачок с косичкой его по-настоящему, если убрать всё лишнее, ненавидит) явилась заменой той ненависти, которую должен был испытывать к нему Тверязов. Как если бы она ошиблась адресом. Что ж, он был вполне удовлетворен таким замещением. И уже ради одного этого можно было потерпеть хвёдоровские выбрыки. Конечно, Хвёдор как-то почувал, что очень уж нужен, но эйфория от привалившей удачи и ощущение власти настолько застыли ему в зор, что он не в состоянии задуматься: а зачем он нужен? Нужен и всё. И почему бы этим не воспользоваться. Он, сукин сын, может быть, своего и добьется, и Тягин, в конце концов, согласится на все его условия, но – полгода, не больше, и фраза «сестрица помогает», как и сама помощь, останется в невозвратном прошлом. Полгода. Тягин злорадно усмехнулся. В операции по водворению Даши обратно в Одессу у него появился дополнительный мотив – наказать Хвёдора за жадность.

VI

Около недели Фомин и Фомский провели в поисках. Неоднократно заходили во все известные им питейные заведения, прошли по всем адресам, которые были известны Вере, побывали и там, куда их направляли некоторые из проживающих по этим адресам, – Сыча нигде не было. Как в воду канул. Где-то его не видели не один месяц, где-то он побывал только вчера...

Первым не выдержал Фомский:

«Черт бы его побрал с этим Египтом! И чего ему вообще дался этот Египет? Почему – Египет? Кстати, никогда не замечал за ним особого интереса к древней истории, а ты? С чего это вдруг?»

«Вера сказала, каналы сейчас повсюду открываются. Информационные».

«И по ним вот такая дичь прёт? Я с ней вчера говорил по телефону, с Верой, так там уже безумие во всей своей красе. Она и меня чуть с ума не свела. Слушай, она действительно во всё это верит и всерьез полагает, что если Сыч издаст свою галиматью, то ею тут же заинтересуются историки и археологи, и все кинутся искать и раскапывать эти подземелья. Это же белочка! Реальность, вымысел – у них там уже всё перепуталось. Допились ребятки. Молодцы. И почему – метро?! Вот тоже вопрос. Ну вот скажи, что это за чепуха вопиющая, что за египетское метро?! Бред какой!..»

«Не понимаю, что тебя так раздражает? – бурчал Фомин. – Название? Ну, метро и метро. В конце концов, есть же в Египте метро».

«Есть. Каирское. А никакое не египетское. Как есть парижское и московское. А не французское и русское. Так не говорят. Само словосочетание какое-то дурацкое. А если он тот Египет имел в виду, древний, то опять-таки: почему – метро? Почему вообще вся эта его подземная хренотень называется метро – может мне кто-нибудь объяснить?!»

«Вера, кажется, говорила, что в обычное время эта штука функционировала как метро».

«Но главное-то её назначение было... ладно! черт с ним, с названием! Хотя мне кажется, что оно – это такая ловушка для ума, беличье колесо, в которое запирается сознание. Открытие Сыча. Потому что – не знаю как у тебя, а у меня оно из головы не выходит. Крутится и крутится. Ладно, черт с ним. Но что ты скажешь о содержательной стороне этого бреда? Скорость, воскрешение – какая связь? Хоть какое-то слабенькое, условное правдоподобие должно быть?..»

«Ты же еще не читал. Я, правда, тоже только открыл. Может быть, там всё объясняется...»

«Не думаю».

«Но всё равно – ты как-то слишком горячишься по этому поводу».

«Тут я с тобой согласен. Меня это бесит. Не знаю почему».

«Вот и мне странно. Мало ли что человеку на ум взбрело или пригрезилось. Я вот однажды на отходняке провел жуткую ночь под названием „римские аттракционы“. Мне представлялся парк развлечений, напичканный всяческими увеселительными штуками в древнеримском духе. Выбирай, что хочешь. Но едва я оказывался у какого-нибудь из аттракционов и пытался узнать, в чем его суть, как меня оттаскивали к следующему, и не успевал я толком разглядеть его, как тащили к третьему, там – к четвертому, пятому... ну и т. д. Я не мог задержаться ни у одного из них и даже не успевал толком расслышать название. Я бесился, просыпался в поту, опять засыпал, морок продолжался и я снова просыпался. Думал, с ума сойду, ей-богу. Да дайте же хоть что-то разглядеть, изверги! Так и не дали. Я эти „римские аттракционы“ на всю жизнь запомнил. Всю эту изматывающую маету. А вот Сычу, может быть, разглядеть дали. Да и вообще. Когда долго и много пьешь, как это делает Сыч, и не до такого додуматься можно. А когда еще и другой сильно пьющий человек пытается что-то понять, как это делаешь ты... Говоришь, абсурд? Вот и прими как всеобщую метафору всего вокруг и успокойся».

«Легко сказать».

«Да и сделать не трудно».

Но Фомский еще долго не успокаивался и время от времени вместо привычных ругательств произносил в сердцах: «Да это же просто какое-то египетское метро!» Или: «Е-гипетское метро!» И даже: «Ё-гипетское метро!»

После их поисковых прогулок Фомин еле живой добирался до дому и падал, как подкошенный, на свою трехспальную кровать. Легкий на подъем Фомский страдал куда меньше и к тому же провел время не без пользы для себя: по одному из адресов, где жили когда-то какие-то дальние родственники Сыча, ему удалось снять хорошую чистенькую комнату, стоявшую почти вдвое меньше, чем та, что он снимал до сих пор.

Каждый вечер Вера звонила Фомину и требовала отчета. Тот докладывал. А на следующий день отправлялся к Фомскому. Иногда они целый день просиживали там – Фома серьезно опасался, что Вера нагрянет к нему с проверкой. В такие дни туда приходила Марина и что-нибудь готовила им на общей кухне.

Соседями Фомского по квартире оказалась тихая пара: поджарый седой старичок и молодая женщина – отец и дочь, занимавшие две довольно большие комнаты. Дочь производила впечатление непрístupной строгости, старичок был спокоен и приветлив. Дня через три Фомский познакомился с ним при несколько странных обстоятельствах. Он варил на кухне кофе, а когда вернулся к себе, старичок в светлом костюмчике сидел на стуле у раскрытого окна, смиренно соединив колени и уложив на них худые длинные кисти в голубых венах.

«Здравствуйте», – кивая, поздоровался он с вошедшим Фомой.

«Добрый день. Хотите кофе?» – предложил Фома.

«Нет».

«Чаю?»

«Нет, и чаю не хочу. А нет у вас чего-нибудь покрепче?»

«Ликер подойдет?»

«С удовольствием».

Фома достал ликер, налил рюмку и протянул гостю.

«Спасибо», – поблагодарил тот и медленно, маленькими глотками, прикрыв глаза от удовольствия, стал пить.

Фома заметил за собой, что смотрит на соседа с удовольствием. В наполненной солнцем уютной комнате он – тихий, светленький, опрятный – был как-то чрезвычайно уместен.

Допив ликер, старичок подмигнул и попросил еще. Фома налил.

«Вы квартирант?»

«Да. Меня зовут Фома».

«Редкое имя».

«Это не имя, кличка. От фамилии Фомский. Так меня все называют. У меня есть друг, он здесь был...»

«Я видел».

«Его фамилия Фомин, и он тоже Фома. Мы учились в разных школах и поэтому одинаковые клички. А как вас?»

«У меня нет клички. Просто Игорь Сергеевич».

Они пожали друг другу руки; старичок еще потянул из рюмки и сказал:

«Когда-то давно здесь уже жил квартирант. Валентин. Он убил сапожника. Не слышали? Попал в сумасшедший дом».

«Нет. А за что?»

«За что? За то, что убил сапожника».

«Нет, я как раз и имел в виду: за что он убил сапожника?»

«А ни за что, просто так. Поэтому и попал в сумасшедший дом. А если бы убил за что-то, попал бы в тюрьму. Очень просто».

Фома вежливо покивал, мол, бывает, и спросил:

«И как он его убил?»

«Ножом. Три раза ударил и все. Хотя уже первый удар был в сердце».

«А кем они были друг другу? Друзья? Родственники?»

«А никем. Совершенно. Они и знакомы-то не были. В том-то ж и дело. Вбежал с улицы в мастерскую, схватил нож и убил».

Старичок допил рюмку и облизал губы.

«Еще?» – спросил Фома.

«Если можно. Очень вкусно».

«Да, – протянул Фома, наливая ликер. – Странно. Вот так сидишь, а тебя вдруг раз и всё...»

«Это если смотреть со стороны. Тогда действительно странно и непонятно.

«А вам понятно?»

Старичок вздохнул, поднял глаза в потолок и пожал плечами.

«А что если так: однажды юноша вдруг раз и навсегда усомнился в подлинности окружающего и с тех пор ощущал себя чем-то вроде агента другой реальности, настоящей, который послан сюда с какой-то пока скрытой от него целью. Случай не такой уж редкий. И вот сапожник, который, допустим, чем-то поразил его воображение, был в его фантазии тоже таким глубоко законспирированным агентом. Настолько глубоко, что никакое общение с ним было невозможно. Еще допустим, что во сне сапожник-агент время от времени приходил к юноше-агенту, и это было единственным местом, где они могли откровенно поговорить. Там они и договорились, что если кого-нибудь из них раскроют, другой обязательно должен ему помочь уйти. И вот как-то раз молодой человек смотрит в кинотеатре кино, пленка рвется, и в зале начинают кричать „Сапожник! сапожник!“, знаете, иногда кричат. Молодой человек понимает, что сапожник раскрыт, и напрямик отправляется из кинотеатра в сапожную мастерскую. Ну и... Все очень просто. А? Как вам такая версия?»

Фома смотрел на Игоря Сергеевича с недоумением.

«Хотя возможно, – продолжил тот, – всё было иначе и несчастный сапожник тут действительно был совсем ни при чем, а его убийством юноша подал знак кому-то. Может быть, какому-то другому сапожнику. А может, и не сапожнику. Кто его знает. Я к тому, что жизнь чрезвычайно многообразна и полна скрытого движения. Внешний наблюдатель между точками А и Б видит, как правило, прямую линию. Но иногда подденешь эту линию ножичком, и вываливается столько всего неожиданного... Не так ли?»

«Да, конечно... – растерянно произнес Фома. – Вы психиатр?»

«Ну, не то чтобы...» – уклончиво ответил старичок, и тут в полураскрытой двери появилась его дочь.

«Папа, что ты здесь делаешь?» – строго спросила она.

«Иду-иду!» – быстро отозвался старичок и вскочил со стула.

«Занятный дедушка», – подумал Фома, когда они ушли.

В один из дней нашей поисковой эпопеи мы с Фомой быстрым (что вовсе не значит: бодрым) шагом идем на Новый базар. Официальная версия похода: поиски проклятого Сыча, но мы-то понимаем, что это для нас уже не больше, чем легенда, прикрытие, потому как настоящая цель попить вначале огуречного рассола из бочки, потом капустного, потом поесть фантастически вкусного украинского борща на том же базаре, выпить под него по сто пятьдесят,

послушать о чем говорят сидящие вокруг крестьяне, строители или рыбаки, ну а там как Бог даст.

Значит, идем мы – быстро, не глядя друг на друга – и вдруг сталкиваемся лицом к лицу с неким Б., давно не виденным старым знакомым. Кивком не отделаешься, приходится остановиться и поболтать из вежливости.

«Привет».

«Привет».

(говорим попеременно я и Фома)

«Как дела?»

«По-всякому».

«Вы как здесь?»

«Да вот, по делу, а ты?»

«Тоже. На работу».

Мы с Фомой немало удивлены, потому как никогда не знали за Б. такой слабости.

Фома:

«На работу?»

«Да».

«Где-то сторожем?»

(время около пяти вечера)

«Нет, здесь во дворце. Я преподаю, веду кружок».

(вышеуказанное удивление умножаем на десять; но виду не подаем)

«Да... интересно... а что за кружок?..

(мы и не подозревали, что до сих пор существует это милое сердцу словцо)

«Кружок сужения сознания».

Я или Фома, не помню:

«Как?»

«Кружок сужения сознания».

«В смысле?»

«КСС. Кружок сужения сознания».

«И это кружок... в смысле, этот кружок, в смысле такой кружок, с таким названием находится вот здесь, во дворце, куда мы ходили, когда были пионерами?»

«Да, кружок, вот здесь, во дворце».

Пауза. После паузы:

«И это вполне официально, да? В смысле (извини), со всеми бумагами, разрешениями?..»

«Есс-стественно. В смысле».

«Я просто тоже преподаватель, мне интересно... хм... и часто у вас занятия?»

«Раз в неделю».

«Ну ладно... то есть... нет. Сейчас... (пауза) А чем вы там занимаетесь?»

«По-моему, название говорит само за себя – сужением сознания».

Я замечаю, что Фома нервничает. Видно, что с одной стороны, его жжёт желание побыстрее добраться до места назначения, а с другой, очень хочется, прямо сию же минуту, не сходя с места, добраться до самой сути услышанного.

А вот чем занимаются в кружке, я расскажу чуть позже.

Фрагмент главы из романа Сыча.

«Милая княгиня! – писал несчастный. – Зная Вашу потребность в свежих впечатлениях и неистребимое влечение ко всякого рода рискованным предприятиям, хочу, прежде чем Вы отправитесь в свой voyage, самым серьезным образом предостеречь Вас от возможного решения воспользоваться услугами „Цыганских авиалиний“ („Ром Авиа“), как это про-

изошло со мной. Упаси Вас Бог! Я и сам, часто ищущий на одно место (pardon!) приключений, однажды попался на эту удочку. То был небольшой в сотню мест самолет. Лишь только я вошел в салон, как понял, что в поисках острых ощущений зашел уж слишком далеко: какие-то пестрые тряпки, которыми был завешан весь салон, сопливые ребятишки, ругань, дикая, бьющая по ушам музыка... Я удивляюсь, как сей аппарат вообще взлетел. Помню как однажды, когда мы в очередной раз находились в воздухе (это „в очередной раз“ вам скоро станет понятно), по проходу между креслами, от кабины вечно пьяных пилотов в сторону хвостовой части пробежали, обгоняя друг дружку, две огромные, бурые крысы. „Крысы бегут с корабля!“ – мелькнуло у меня тогда, и, очевидно, не только у меня, поскольку большей частью пассажиров, ставших свидетелями этой пробежки, овладело беспокойство. Вскоре, однако, наши грызуны сообразили, что бежать с корабля некуда, и через две-три минуты мы увидели, как они с той же скоростью проследовали в обратном направлении. Мы немного успокоились, но ненадолго: началась такая болтанка, что вряд ли у кого-то из летевших тем злосчастливым рейсом оставалась хотя бы крошечная надежда на благополучный исход. Это был, поверьте на слово, сущий ад: крики взрослых, визг детей, рев бьющихся в клетках багажного отделения медведей... Я видел, как те же крысы опять промчались в хвост и менее чем через минуту опять же бежали назад, и мне даже показалось (или то была игра расстроенного воображения?), что я разглядел на их усатых отвратительных мордочках выражение панического недоумения. Слава Богу, мы сели. Я не в силах передать вам всех злоключений, выпавших на долю пассажиров. Достаточно сказать, что только до Вены мы добирались 18 часов. (Конечным пунктом у нас была Барселона.) Каким-то образом (впрочем, когда имеешь дело с цыганами, то очень даже известно каким) стюардессы (две толстые, постоянно курящие цыганки) завладели нашими документами. Каждые два-три часа мы садились в каком-нибудь аэропорту, где нам всем, вместе с экипажем и медведями, надо было заработать на керосин, чтобы лететь дальше. Кстати, прозорливость этого летательного аппарата была просто фантастической. Итак, мы пели, плясали, боролись с медведями... и летели дальше. А как ужасно они (экипаж, стюардессы) во время всего перелета обращались с этими бедными, доверчивыми немцами! (Помню, как однажды... нет, не хочу.) Я мог бы еще много чего Вам рассказать (мы, например, побывали в Ницце. Не могу понять, княгиня, что Вы в ней находите – хлопающие двери подъездов и, извините, убийственное амбре урины из каждого), но зачем нанизывать друг на друга эти ужасы! Просто поверьте мне, и да хранит Вас Бог!»

Совершенно ясно, что он пытался пройти тут (зная некоторые факты его биографии) по Фоме, но... дальнейшее – молчание. А все-таки – что за сволочь!..

VII

Да уж: трудно было не догадаться, по кому в этом весёлом письме прошёлся Тверязов – когда-то газета, в которую Тягин позже пришел работать, опубликовала серию его путевых заметок о небольшом путешествии автостопом по европейскому югу. Но еще до письма, с самых первых страниц тверязовских хроник Тягин стал замечать свое в них присутствие. С каждым следующим абзацем странное, немного волнующее ощущение узнавания навещало его всё чаще и отчетливей и скоро переросло в твёрдую уверенность: один из главных героев романа, Фомин, списан по большей части с него. Так же как приятель Фомина Фомский был списан с автора. В обоих случаях, как и во всех других, не обошлось без примесей. В том же Фомине, как уже было замечено, мелькнул кое-какими деталями обстановки и девицей (естественно, не той вчерашней, а какой-нибудь из прошлых, которые у него не переводились) Абакумов. А в упоминании о разбогатевшей в браке сестре издевательски подмигнул Хвёдор. Тут, однако, и не пахло злой преднамеренностью, желанием уязвить или выставить в невыгодном свете. К тому же Тверязов вольно или невольно избегал точного копирования. Казалось, всё, что имелось в его распоряжении – биографии, характеры, внешние данные, – он тщательно перемешал и раскидал в произвольном порядке, не заботясь о том, кому что достанется. В этих переливах, в пестрой многоликости героев, которые при каждом повороте неожиданно оборачивались еще кем-то, была особая дополнительная прелесть – удовольствие, доступное, увы, только посвященным. Нравилось Тягину и то, как, с какой тёплой непосредственной живостью всё подавалось, и вот это уже касалось качества и содержания написанного. Начиная читать, он готов был к тому, что роман окажется какой-нибудь развесёлой, с подмигиванием на все четыре стороны, одесской литературой, к которой Тверязов (с его-то характером и образом мыслей!) имел парадоксальную и необъяснимую для Тягина склонность. Одесским колоритом самого дурного пошиба, вплоть до фразочек, якобы подслушанных на Привозе, он когда-то даже пытался, правда не очень успешно, зарабатывать. И тут – такое.

Словом, Тягину, к его облегчению, было за что, не кривя душой и без всякой натуги, похвалить Тверязова. Вот уж действительно: не ожидал. Главное – откуда? Выходит что ж? Страдания и в самом деле того... не проходят даром? Вот тебе, Саша, и компенсация какая-никакая. Чем не? Уж не завидовал ли он ему? Ну, да, было чуть-чуть. Сам он никогда не умел придумать не то чтобы сюжета, а хотя бы общего движения, захватывающего и увлекающего героев. Да и с героями было не очень. И, если уж говорить начистоту, не было по большому-то счету вообще ничего, кроме мучительного желания писать и быть писателем. Нет, то была не зависть, конечно, а почти изжитое, но сейчас вновь вспыхнувшее сожаление о том, что так долго томившая его страсть ничем не увенчалась. Чувство вроде того, что оставляет после себя безответная любовь. Ощущение не из сильных. Скорее из разряда мелких мимолетных беспокойств. Требующих, впрочем, почему-то иногда столь обширных объяснений.

Всем этим (кроме последних умозаключений) Тягин собирался поделиться с Тверязовым по дороге на Староконный, но тот сразу же уклонился от разговора и попросил не доверять впечатлениям от первых нескольких страниц и не торопиться с выводами. Разогнавшийся на получасовой монолог Тягин дернул плечами.

– Как хочешь, – недовольно сказал он. – Но если всё там и дальше в таком же духе, можно кое-кому предложить в Москве.

Но еще перед этим, едва они, встретившись на Пушкинской, пожали руки, Тягин сердито отчитал Тверязова за болтливость. Речь шла о вопиющем, по его мнению, случае с Хвёдором.

– Ничего я ему не сообщал, – удивлённо возразил тот. – Он знал, что ты приехал. Ему сестра звонила.

«Как же он боится произнести это имя: Даша», – подумал Тягин и сказал:

– А про парня в красном платье, про его взгляд? тоже сестра?

– Так то уже потом, когда разговорились, – усмехнулся Тверязов. – Мне просто понравилось, как ты испугался, что кто-то из вас сейчас узнает другого.

Тягин, впрочем, и сам догадывался, что вряд ли Тверязов стал бы специально рассказывать туповатому Хвёдору о его встрече взглядами с убийцей. Скорее всего, хватил за воротник и начал, по своему обыкновению, разглагольствовать. Уровень собеседника никогда не имел для него особого значения. И тем не менее.

– А, ну да, ты же писатель... – пробурчал Тягин.

По рядам блошиного рынка он ходил через силу. Вид выложенного на асфальте и развешенного по стенам и деревьям барахла действовал на него так же удручающе, как квартиры одесских знакомых. Тверязов это заметил.

– Скучаешь?

Тягин вяло поморщился и сказал:

– Я, кстати, теперь, как бык, дергаюсь на красный цвет. На этот оттенок.

– На какой?

Тягин поискал глазами и показал на висевший среди старого тряпья широкий женский пояс:

– Ну, вот где-то такой. Алый.

После прогулки по рядам, когда спустились вниз, Тверязов завёл Тягина в тесный дворик, открыл без стука одну из дверей, откинул занавеску и они вошли в небольшую кухню, в которой сидели и смотрели телевизор две женщины; одна из них, отложив вязание, взяла у Тверязова деньги, вторая сделала телевизор потише и разлила водку. Тягин выпил, не закусывая. Тверязов взял с тарелки дольку соленого огурца; выпив, весело крякнул.

– Ну что? – сказал он на улице. – Настал момент истины? Идём.

– Куда еще?

– Пошли-пошли. Всё равно ж гуляем.

Они вышли за Колонтаевскую, прошли квартал или два, повернули налево, поднялись еще на полквартала и вошли в калитку в деревянных воротах, которыми была наглухо запечатана подворотня. Небольшой двор, куда они попали, был, по всей видимости, выселен; кое-где в двухэтажных домах с деревянными галереями зияли пустые оконные проёмы. По левой стороне тянулся ряд сараев под сырой известняковой стеной с одним маленьким оконцем на самом верху. В центре двора, рядом с водяной колонкой высилась огромная черная акация и под нею понуро стояла перед ведром грязная лошадка пони с заплетенными в гриву разноцветными ленточками; тут же на скамейке у стола сидел, обхватив живот руками и согнувшись в три погибели, мужичок в телогрейке. По плитам бродили куры и пара гусей; в углу бляла коза на привязи. Где-то гулко стучал молоток. Следом за ними во двор вошли две девочки лет двенадцати, одна из них несла седло.

– Девочки, Георгия позовите, – попросил Тверязов. – Он есть?

– Есть, – ответила та, что с седлом. – Сейчас.

Тверязов повернул в правый ближний угол двора и подвел Тягина к полутораметровому забору из продольных досок в разоренной части первого этажа. Видимо, заслышав их голоса, из погруженного в сумеречную темноту помещения к загородке подтянулось, отрывисто похрюкивая, с десятков молодых бодрых свиней.

– И куда мы пришли?

– К человеку-свинье. Ты же хотел? Вот.

– Я хотел?!

– А что – не хотел?

– Ладно. И что дальше?

– Сейчас увидишь. Вернее, услышишь. Его апартаменты, – сказал Тверязов, показывая на загон перед ними.

– Ты хочешь сказать, там где-то человек?

– Терпение.

Пока ждали Георгия, Тягин спросил, что это за двор, и Тверязов рассказал, что с тех пор, как отсюда выселили жильцов, здесь держат животных, которых выводят на заработки в парки и скверы. Летом разъезжают передвижным зверинцем по области.

– И много тут животных?

– Хватает. Половина квартир заняты. Сейчас все в городе на работе.

Подошла баба в грязном фартуке с ведром, опрокинула его в кормушку за досками, и оттуда вместе с паром поднялась тёплая кисловатая вонь. Свиньи завизжали, зачавкали, толкаясь в доски.

Наконец, во втором этаже появился некто в ковбойской шляпе, и Тверязов взмахнул рукой.

– Георгий!

После неспешного прохода по верхней галерее и столь же неторопливого по нижней, перед ними наконец предстал тот, кого они ждали – цыганистого вида щеголь в кожаной жилетке и остроносых сапогах на высоких скошенных каблуках. Тверязов их познакомил. Возня в свинарнике к тому времени стала затихать. Георгий шелкнул зажигалкой, прикурил и пригласил их отойти чуть в сторону, где пространство над загородкой было закрыто двумя желтыми фанерными листами. Георгий пошлепал по фанере ладонью.

– Васька, к тебе пришли!

Еще и пронзительно свистнул. По ту сторону было тихо.

– Эй-эй-эй! – опять захлопал по фанере Георгий.

Они подождали еще с минуту, и Георгий крепко ударил носком сапога по нижним доскам. Сквозь продольные щели Тягин заметил какое-то движение, даже почудился обращенный на него взгляд, и он едва удержался от того, чтобы наклониться и рассмотреть получше.

– Может, он сегодня не в духе? – спросил Тверязов.

– Нормально! Ему немножко разогреться надо. Васька! Эй! Давай уже, ну! Хрюкни что-нибудь!

У Георгия был заметный, отдающий некоторым курлыканием, бессарабский акцент.

– Спит, может быть? – опять предположил Тверязов.

– Свинья спит – служба идёт, да? Ничего, спит – разбудим.

Георгий развернулся к свинарнику спиной и саданул раза три скошенным каблуком по пружинящим доскам. Прислушавшись, приложил палец к губам и отступил на шаг. За перегородкой послышалось шевеление, толчки и, наконец, оттуда донеслось низкое, напряженно-утробное:

– Михаил...

После паузы еще утробней:

– Михаил...

Молчание и опять ворочание, толчки.

– Ты – Михаил? – спросил Георгий Тягина.

– Михаил, – подтвердил тот. – Он наверное услышал имя, пока мы здесь вас ждали, разговаривали...

– Тогда отвечай.

– Здесь! – громко, отрывисто произнёс Тягин.

Георгий кивнул, раздавил носком сапога окурок и, повышая голос, опять обратился к перегородке:

– Ну! Михаил. Дальше что?! Говори, не зли меня! А то на колбасу пущу... – он подмигнул Тягину.

– Михаил... – опять донеслось с той стороны. – Михаил, слышишь?

– Слышит-слышит, давай! – приказал Георгий. Он отхаркнул в сторону и, приготовившись слушать, расставил ноги пошире, сложил на груди руки и опустил голову.

– Знай же, – отозвался человек-свинья за досками и захрипел, видимо прочищая горло. Потом чем-то пошуршал и, наконец, медленно с паузами затянул: – Знай же... не смертное зло, а бессмертное скилла... свирепа... дико-сильна... ненасытна... сражение с ней невозможно... мужество здесь не поможет... одно здесь спасение... бегство.

Он умолк и Тягин переглянулся с Тверязовым, который, усмехаясь, гримасой изобразил: «так-то!».

– Откуда это? – вполголоса спросил Тягин.

– А вот думай. Тебе же сказали.

– Васька, всё? – крикнул Георгий.

– Всэ. Крапка, – ответили ему.

– Тогда повтори. Давай! Еще раз.

И так же медленно, и с теми же паузами всё было повторено.

– Еще? – повернулся Георгий к Тверязову.

– Нет, спасибо, – отказался тот и сунул хозяину деньги.

– Точно? Он может еще повторить. Сколько надо, столько повторит. Васька!..

– Спасибо, достаточно.

– Тогда пожалуйста. Приходите еще, – сказал хозяин и попрощался.

За перегородкой было тихо.

– Ну, в принципе, придумано неплохо, – произнес Тягин, когда они вышли на улицу. – Новая точка на туристической карте города. Он якобы живет в этом загоне?

– Якобы да. А представь, если он и в самом деле лежит там в жиже и картофельных очистках...

– Ты так и не сказал, что это было.

– Одиссея. Он всем оттуда читает. У тебя, если не ошибаюсь, был отрывок со Сциллой и Харибдой.

– Он там с книжкой сидит?

– Не знаю. Может наизусть помнит. Что тебя смущает?

– Нет, ничего, – ответил Тягин, которого и впрямь несколько смутило совпадение только что услышанного с настойчивым советом фельдшера быстрее уезжать. – А тебе он что зачитывал, если не секрет?

– Не помню уже. Но там были слова: «земли бесполезное бремя».

– Ну, такое любому подойдет.

– Так и твоё любому подойдет. Как посмотреть.

– И давно он здесь пророчествует?

– Около месяца. Только еще набирает известность.

Тверязов потянул его в близлежащую рюмочную. По дороге Тягин от только что увиденного вновь перешел к убийству в поезде.

– Я тут вот что подумал, – говорил он. – Может человек совсем не случайно становится свидетелем каких-то происшествий, всех этих аварий, катаклизмов?..

– Сейчас все всему свидетели, – сказал Тверязов.

– Нет – речь только о непосредственном присутствии. Вживую. Мы же как к этому относимся: произошло, прошло и ладно. Слава Богу, что не с нами. А если это и с нами? Я о чем. Не следует ли толковать некоторые происшествия как сны? Ну, хотя бы самые яркие, необычайные. Которые слишком выбиваются из обычного порядка вещей. Они и отдают часто сно-

видением. Говорят же: как во сне. Может быть, надо и относиться к ним так? Открываешь сонник и смотришь: железная дорога. Поезд. Красное платье. Произошло к тому-то, жди того-то. А вот это символизирует то-то.

Тягин вдруг вспомнил: а ведь что-то похожее он слышал от Хвёдора, когда тот водил у него перед лицом кривым пальцем и говорил, что парень в красном платье посмотрел на него не просто так.

– Слишком сложно, – возразил Тверязов. – Так совсем с ума сойдешь: толкования на толкованиях и толкованиями погоняют. Брр!..

– Я говорю об исключительных событиях.

– Начнешь с исключительных, закончишь всеми подряд.

Всю их прогулку Тягин ломал голову: стоит ли рассказывать Тверязову о своём посещении Абакумова? знает ли тот вообще, что расписки у него больше нет? Самым подходящим был момент после того, как они выпили, и Тверязова немного развезло, но тут Тягин как-то замешкался. Да и на скандал боялся нарваться. А позже, с походом на скотный двор эти раздумья и вовсе вылетели у него из головы.

На следующий день ему позвонила бывшая жена Тверязова и предложила встретиться. Когда он вышел на угол Канатной и Карантинного спуска, там не было никого кроме пьяной немолодой бабы у киоска. Держась за прилавок, она маялась, топталась, то и дело роняла голову. «А по голосу не сказал бы», – пошутил про себя Тягин. В ту же минуту из-за киоска быстро вышла маленькая, похожая на подростка женщина лет тридцати, в очках. На левом плече у нее висела гитара в кожаном чехле, а за спиной был рюкзак с торчащей из него деревянной рукоятью меча, обмотанной между головкой и крестовиной черной изолозой. Она решительно подошла к Тягину и окинула его строгим оценивающим взглядом с головы до ног.

– Я Мальта...

Тягин пожал энергично протянутую руку.

– ...и у меня есть к вам серьёзное предложение.

Мальта сообщила, что ей звонил испуганный Абакумов и просил, чтобы она, если к ней обратится Тягин, сказала, что получила половину от суммы, указанной в расписке. Обещал отблагодарить. Попросил даже как-нибудь поглубже отшить Тягина. На самом деле она никакой половины не получала. Из разговора же поняла, что Абакумов очень Тягина боится, а следовательно, у Тягина есть хороший шанс заставить его расплатиться по полной. Она готова всячески способствовать.

– Это он вам дал мой телефон? – недоверчиво спросил Тягин.

– Я взяла его у Тверязова. Сказала, что мне надо узнать у вас кое-что насчет работы в Москве.

Тягин задумался: нет ли здесь подвоха.

– Так сколько же вы тогда получили? – поинтересовался он.

Мальта ответила не сразу.

– Мне срочно нужны были деньги. – Она запнулась. – В общем, он сказал, что в таких случаях полагается десять процентов.

– В каких таких случаях?

– Когда расписку приносит кто-то другой, не хозяин.

– Ну, что-то вроде этого я и предполагал. Я думаю...

– Давайте так, – нетерпеливо перебила Мальта. – Я ему скажу, что вы звонили и я сделала всё, как он сказал, то есть подтвердила вам про половину. Он расслабляется. А потом мы с вами неожиданно приходим к нему вдвоём, и там, на встрече, я говорю, как было на самом деле. И всё! – она звонко щелкнула пальцами. – Он у нас в кармане!

– Пи**ой щелкни, – сказала пьяная за её спиной.

Мальта обернулась, быстро подошла к бабе и, вскинув над головой кулак, качнулась на неё всем телом. Та замерла, потом медленно, косясь по-собачьи, отвернула лицо и пошла прочь.

– Как вам такая идея? – вернувшись, продолжила Мальта. – Получим деньги – треть ваша, остальные мои.

– Не многовато? – спросил Тягин.

– А вам трети мало? Всё-таки расписка моя.

– Ваша? Я думал, Тверязова.

– Она досталась мне. Когда мы расходились.

– А он об этом знает? Мне показалось, что нет.

Она подкинула рюкзак, поправила очки и, обнажив в улыбке немного выступавшие вперёд верхние зубы (если б не этот небольшой дефект, её смело можно было бы назвать хорошенькой), сказала:

– Ладно. Можем обсудить. Соглашайтесь. Всё должно получиться. Он хоть и жадный, но трус и дурак.

«Ты умная, – подумал Тягин. – И щедрая»

– Ничего тут уже не может получиться, – сказал он. – Вы взяли деньги и отдали расписку. Всё. Конец истории.

– Это несправедливо.

– Да уж, – согласился Тягин. – Только что, собственно, изменилось? Почему вы сейчас об этом вспомнили?

Мальта несколько секунд смотрела на него немигающим взглядом.

– Я просто вижу, как он вас боится, – наконец сказала она. – Я это очень хорошо почувствовала. И этим надо воспользоваться. Наказать его.

– Забудьте. Бог накажет.

– Это несправедливо.

– Ну... справедливо, несправедливо... – усмехнулся Тягин. – Вы вот получили деньги по Сашиной расписке, а он ни сном, ни духом.

– Вы опять? Вы ничего не знаете и не можете судить.

«А в самом деле, что я знаю? Только то, что мне рассказал Абакумов. И почему из того, что Тверязов не захотел говорить на эту тему, я решил, что он ничего не знает?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.